

СОВРЕМЕННАЯ
ВОЕННАЯ
ПОЭЗИЯ

КНИЖНЫЕ
СЕРИИ ЦДРА

Центральный Дом Российской Армии имени М. В. Фрунзе

Владимир Силкин

Сирень Победы

КНИГА СТИХОТВОРЕНИЙ

Федеральное государственное бюджетное
учреждение культуры и искусства
«Центральный Дом Российской Армии имени М.В. Фрунзе»
Министерства обороны Российской Федерации

Военно-художественная студия писателей

Владимир СИЛКИН

СИРЕНЬ ПОБЕДЫ

Стихи

Центральный Дом Российской Армии имени М.В. Фрунзе

Москва
2022

ББК 84(2Рос=Рус)6-5

УДК 82-14

С363 Силкин В.А. Сирень Победы. Книга стихотворений. – М.: Центральный Дом Российской Армии имени М.В. Фрунзе, 2022. – 241 с. (Современная военная поэзия: книжная серия ЦДРА).

В книгу лауреата Государственной премии России, дипломанта премии Министерства обороны Российской Федерации в области культуры и искусства, заслуженного работника культуры РФ, секретаря Союза писателей России, Почётного гражданина Рязанской области, начальника военно-художественной студии писателей Центрального Дома Российской Армии имени М.В.Фрунзе Минобороны России Владимира Силкина вошли стихи, посвящённые всем поколениям защитников родного Отечества, военнослужащим, выполнявшим и выполняющим воинский долг за рубежами нашей Родины.

16+

© В.А.Силкин

© А.В. Кабин – обложка

ЗА МГНОВЕНЬЯ

Двадцать первого был ПХД.
Протирали орудья и танки.
По колено стояли в воде,
Полоская бельё, россиянки.

Но летели по всем проводам
Из Берлина тревожные вести.
Группы армий уже по местам
До команды стояли на месте.

А у Берии были дела,
Но ему постоянно мешали.
Одинокó ходил у стола
В оперсводки не веривший Сталин.

И лежала раскрытой пред ним
Государства огромного карта,
А над нею зловещился дым
От сгоравшего мирного пакта.

Опускался багровый закат,
И граница смотрела сурово.
Трубку мира держала рука
За мгновенья до двадцать второго.

НА ОРЛОВСКО-КУРСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

На Орловско-Курском направлении
Всё без изменения пока,
Пребывают в грустном настроении
Наши и немецкие войска.

Вгрызлись в буераки и пригорки,
Растворились в травы и стога.
Ждут команд: «Вперёд!» –
«тридцатьчетвёрки»,
Чтоб свой гнев обрушить на врага.

На войне бывают тоже игры,
Тут уж кто кого перехитрит.
Скоро вспыхнут факелами «тигры»,
Кто-то будет ранен, кто убит.

На Орловско-Курском направлении
Встали две армады, два врага,
И звенит в преддверье наступления
Курская железная дуга.

БЕЛЫЙ ТАНЕЦ

Двадцать первого июня
Нас последний раз собрал,
Не целованных и юных,
Выпускной, прощальный бал.

Ты идёшь ко мне, смущаясь,
С нас двоих не сводит глаз,
Восхищаясь, и прощаясь,
Наш родной десятый класс.

На лице твоём румянец
Отпечатал этот вальс.
Белый танец, белый танец,
Белый танец кружит нас.

Словно чувствуя тревогу,
Прижимаешься ко мне.
Ах, ты, Ленка, недотрога,
Этот вальс ведёт к войне.

БРЕСТСКАЯ КРЕПОСТЬ

В четыре часа просыпается Брестская
крепость,
Во всех казематах в бинтах и повязках
народ.
Быть может, сегодня звучит это даже
нелепо,
Но кто-то незримый командует:
«Крепость, вперёд!»

Но кто-то крылатый возносит над
крепостью знамя,
Но кто-то безногий бессвязно в атаку
зовёт.
Я – крепость, ушедшая в вечность! Я – с
вами!
Я – крепость! Стою день, и ночь напролёт.

Хоть смерть каждый миг смотрит мне в
изголовье,
Я пули залётной в рассветную рань не
боюсь,
Пишу и пишу на груди, истекающей
кровью,
Что я умираю, но я просто так не сдаюсь!

Я РОДИЛСЯ НА БЫВШЕЙ САДОВОЙ

Я родился на бывшей Садовой,
Мне не снились военные сны.
Только вдовы одни, только вдовы
Проживали здесь после войны.

Никому на земле не мешали,
Поклонялись рассветам они.
Только шали одни, только шали,
Только чёрные шали одни.

Был их хлеб обожжённый невкусен,
И в очах полыхала тоска.
Только грусти одной, только грусти
Накопилось в сердцах на века.

Я родился на бывшей Садовой,
Возвращались домой мужики,
Только вдовы одни, только вдовы,
Отпирали на избах замки.

ДЕДОВА ПАМЯТЬ

Память давнишним осколком
Вдруг шевельнётся в ночи.
Я позабыл уже сколько
Дед мой ночами кричит.

Тридцатьчетвёрка из боя
Выйти не может никак.
Дед прикрывает собою
Нас от грядущих атак.

Бьётся на стыке двух армий,
Кровью залита броня.
Смотрит родными глазами
Дед мой в упор на меня.

Всё он из боя не выйдет
Прошлого, страшного дня...
Знать бы, чего он там видит
В свете седого огня...

В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Грустит гармонь на все лады,
Однополчан зовёт собраться.
– Да где же вы, из той беды
Со мною вышедшие, братцы?

У гармониста мрачный взгляд,
Но он в беду ещё не верит,
За не вернувшихся ребят
Одной ногою землю мерит.

И у Большого в шесть часов
Грустит гармонь, изнемогая,
В кипящем море голосов
Знакомый крик подстерегая.

ДОМОЙ

Я в места родные еду,
Форма новая к лицу,
Я спешу на День Победы,
На свидание к отцу.

Вот и дом под новой крышей.
– Где ты батя? Будь здоров!
Горько мне, что он не слышит
Ни шагов моих, ни слов.

Постою, в окно не стукну,
Помолчу, слезу смахну.
Протяни мне, батя, руку,
Через страшную войну.

ДУМА О ХАТЫНИ

Я в Хатыни ни разу не был,
Но летит надо мной зола,
Детским плачем вонзаясь в небо,
Ударяясь в колокола.

Тишина и почти несносно
Слышать мне в голубой ночи,
Как надрывно вздыхают сосны,
Как под ними земля кричит.

Может, это (подумать страшно!)
Кулаками в земную твердь
Бьёт обугленный день вчерашний,
Не приемлющий тлен и смерть.

Лето. Сосны. Клекочет аист,
Над землёй распахнув крыла,
И всё кружится, не вживаясь
В мирный день, и летит зола.

54-Й ГОД

Пятьдесят четвёртый год.
Девять лет послевоенных.
И прийти настал черёд
Мне на смену убиенных.

Вот я в люльке, на весу,
Словно в шторм большой на море.
Что я маме принесу –
То ли радость, то ли горе?

Мама плачет, от беды
Сохранить меня сумела,
Мама столько лебеды
За войну за эту съела.

И боится за меня –
Лишь бы харч несладкий вынес,
Молит, чтоб, как вся родня,
Я здоровым малым вырос.

Пятьдесят четвёртый год...
Мне сегодня тридцать с лишним.
Всё как надо, жизнь идёт,
И в садах белеют вишни.

Озаряются сердца
Первой чистою любовью...
Я, наверно, весь в отца,
Не любитель многословья.

И к чему они, слова,
Если мир такой зелёный,
И баюкает трава
Двадцать с лишним миллионов.

Пятьдесят четвёртый год...
Посреди чумы и пира
Мне беречь пришёл черёд
Голубые очи мира.

ЖУКОВ

По брусчатке, по площади Красной,
Едет Жуков на белом коне.
Всё торжественно, празднично, ясно
И в душе, и в огромной стране.

Ничего, что изрядно устали,
Что не всем вручены ордена.
Улыбается сдержанно Сталин,
На котором большая вина.

Улыбается сдержанно, знает,
Что партийный его псевдоним
На устах у народа витает
И народом безмерно храним.

Только всё-таки Сталину жутко,
Что не он вот на белом коне,
А прославленный Сталиным Жуков
Все итоги подводит войне.

Ничего, он потерпит немного,
Неприемлем на праздник аврал,
Ну а Жукову, значит, дорога
На Одессу, потом на Урал.

Вскоре смолкнут победные марши,
Поутихнет «ура» над Москвой.
Едет Жуков, всего повидавший,
И рискует опять головой.

ЗАЛИВ ДЕВКИНА ЗАВОДЬ

Памяти Валентина Пикуля

Звёзды в небе устали плавать,
Рады очи закрыть с утра.
По заливу Девкина заводь
Пробиваются катера.

С двух сторон их лупцуют плотно,
Нет спасения от свинца,
Пересчитываются поротно
Не фамилии, а сердца.

На матросах горят тельняшки,
Над заливом восходит дым.
Эх, бедняжки мои, бедняжки!
Не помочь даже криком им.

Катера забирают воду,
Исчезают навек из глаз.
И нигде не отыщешь брода,
Чтоб до цели дойти сейчас.

Всем погибшим – поклон и слава,
Всем оставшимся – ордена.
Над заливом Девкина заводь
Настоящая тишина.

Здесь бушуют ветра и вьюги,
И мгновение до беды.
И застыли безмолвно юнги
У кипящей морской воды.

ЗВЕЗДА ОТЦА

В небе звёздам нет конца,
Но далёко где-то
Светит мне звезда отца
И ведёт по свету.

Горяча иль холодна,
Знать того не знаю.
Много лет горит она,
Нас соединяя.

На её шагаю свет
В этот век жестокий,
Всё иду за батей вслед
В тот июнь далёкий.

А вокруг свистят шмели.
Или, может, пули?
Если б только мы могли,
То отцов вернули.

Чтоб услышать их сердца,
Чтоб наград коснуться...
Светит мне звезда отца,
Не даёт споткнуться.

МЕДАЛЬ

Памяти Алексея Фатьянова

Венгерский город Секешфехервар,
Изученный танкистами до корки.
Ещё бросок, ещё один удар
И светится медаль* на гимнастёрке.

И тут печаль заброшенных полей,
И здесь, как во Владимире, не сладко.
И траурные взгляды матерей
Колонну созерцающих украдкой.

Свистит шрапнель, и празднует война,
Но соловьи уже пируют дома,
Но далека, как звёзды, тишина,
И без тебя в ночи поёт солома.

Танкисты смотрят в сумрачную даль,
А впереди ещё такая свара.
И это не последняя медаль,
Как и бросок до Секешфехервара.

**А.И. Фатьянов награждён медалью «За отвагу» за то, что первым на танке ворвался в город Секешфехервар, древнюю столицу Венгрии.*

МЕМОРИАЛ «ЧЁРНАЯ ГОРА»

74-й годовщине освобождения
г. Михайлова от немецко-
фашистских захватчиков

Город Михайлов. Декабрь на дворе.
Вновь беспокойно в мире.
Спят беспробудно на «Чёрной горе»
В общей военной квартире,

Спят беспробудно в Рязанской земле
Дети Отчизны нашей,
Спят и не знают, что сеют хлеб
Выросшие за павших.

И не стираются их имена
С мраморных плит дождями,
И не догадываются, что война
Не разлучила с нами.

ЛЕЙТЕАНТ

Юрию Бондареву

По горячему давнему снегу
Он идёт сквозь клубящийся дым,
И ступает на берег с разбегу
Лейтенантом совсем молодым.

Смотрит пристально под ноги тракам,
Командирский планшет на плече.
Вот рубеж перехода в атаку,
Вот и время незримое «Ч».

Что там думают вечные боги,
Чем окончится нынешний бой?!
Все поля, все леса, все дороги
Понастроили рвов пред собой.

Одолей их с наскока попробуй,
С тыла, с фланга врага обойди!
Вот и танки становятся ромбом,
Чтобы свет увидеть впереди.

Пушки русские харкают дымом,
Беспощадны к фашистской броне.
До чего ж ты, война, нелюдима!
Что ж ты жить-то привыкла в огне?!

...Тает снег и становится жарче,
Солнце мирное в гости грядёт.
Сквозь беспмятный дым и незрячий
Лейтенант седовласый идёт.

ОДНОФАМИЛЕЦ

Памяти Героя Советского
Союза Г.П. Силкина

Межигорская Гута,
Правый берег Днепра.
Было наших негусто
В этом месте с утра.

Но, сбивая заслоны,
По октябрьской воде
Шли вперёд батальоны,
Шли навстречу беде.

Ближе к берегу жались.
Там попробуй-ка, тронь,
Перекрёстный, кинжальный,
Пулемётный огонь.

Но залётные пули
Доставали сердца,
И ребята тонули
От свинца, от свинца.

Как Григорий Петрович
Там держался тогда,

Если досыта крови
Нахлебалась вода?

Знаю только, что утром,
Будто впрямь, своего,
Межигорская Гута
Хоронила его.

Ни знакомый, ни дядя,
Но до боли родной,
Он посмертно к награде
Был представлен страной.

...Правый берег днепровский,
Тишина, хоть кричи.
Над могилой берёзки
Словно свечки в ночи.

Золотая погода,
Золотой листопад.
По днепровскую воду
Души павших летят.

Тихий вечер на дороге,
Две берёзы смотрят вслед.
Здесь, в деревне, очень многих
За столом семейным нет.

Забегу и дверь прикрою.
Мама вздрогнет и замрёт.
Вдруг вечернею порою
Дверь отец не отопрёт?

Вдруг, как Фёдор однорукий,
Путь в семью свою найдёт,
Возвратится из разлуки,
Тихо в комнату войдёт?

Ходят ходики упрямо,
Нарушая тишину.
Прижимает к сердцу мама
Нас, не видевших войну.

ОКРАИНА

Эх, окраина ты, окраина,
И осталось-то два двора.
Если б не было бабки Раи,
Разобрали б ещё вчера.

Только небушко залазурится
И рассеется темнота,
Бабка Рая сидит и щурится
На дорогу, что вновь пуста.

Только облако пыли серое,
Словно в памятном том году...
Столько лет она в чудо верует.
«Что сидишь?» – спросят.
«Сына жду!..»

Зимы ранние, весны ранние.
То не годы летят, века.
Отыскала же пуля крайнего
В сорок пятом её сына.

В небо краны вонзились рыжие,
Подрастает красавец-дом.
Только дом с палисадом ближе ей,
Вспоминается о былом.

Бабка Рая на всё согласная,
Но надеется, верит, ждёт,
Что целёхонький в утро ясное
Её мальчик домой придёт.

Эх, окраина ты, окраина,
И осталось-то два двора.
Если б не было бабки Раи,
Разобрали б ещё вчера.

ПАМЯТЬ

Ещё не все угасли в мире войны,
Ещё в сердца врезается свинец,
И до сих пор ночами неспокойно
Спит в грудь навывлет раненый отец.

Встаёт с постели, пьёт свои таблетки,
И долго курит, выйдя на балкон,
В который раз шагает из разведки
В полёгший в рукопашной батальон.

Ах, память, память... Невозможно это
Всю жизнь свою солдатский крест
нести.

Не спит отец, опять шагает где-то,
Бои́тся до Победы не дойти.

По этой тропинке враги не прошли,
Врагов не приветила Нара.
Мы гнали их с нашей советской земли,
Как волки овечью отару.

Мы так отточили для боя клыки,
Вовек не желавшие крови,
Что шли по горячим снегам на штыки
За слёзы горячие вдовьи.

А как вы хотели?! Нельзя же прощать
Врага, что принёс пепелища,
И мы научились его укрощать,
И брёл он в Европу, как нищий.

Никто на обратном пути не встречал,
Цветы к сапогам не бросали.
И ветер немецкий уныло качал
Солдатские наши медали.

Он плёлся, угрюмый, и только молчал,
Взглянув на российские дали.
И танки сгоревшие всюду встречал,
Что были из крупновской стали.

Ах, сколько же раз говорили о том,
Что трогать Россию не надо,
Тем более, тыкать в Россию мечом,
Тем более, в грудь Сталинграда.

Он шёл, желваками бессильно играл,
И вёрсты бесщётные мерил...
И Бисмарк с печальной ухмылкой
взирал
На тех, кто ему не поверил.

О РОССИИ

Не могу быть залётною птахой,
О России свистеть соловьём,
И отчаянно охать и ахать
При каком-то несчастье своём.

Если мир задыхается гарью,
Если снова кричит вороньё,
Если гибнут хорошие парни
За короткое счастье своё.

Не могу без рябиновых песен,
Без кипящих на солнце берёз,
Без солдатской отваги и чести,
Что мой дед по Европе пронёс.

Если мирно живёт по соседству
Из оглохшей пехоты солдат,
Если вишни, отцово наследство,
Столько лет в тишине шелестят.

ПОСЛЕДНИЙ ГЕРОЙ

В первых числах мая 2011 года СМИ сообщили о том, что в возрасте 110 лет скончался последний участник Первой мировой войны, итальянец.

16 августа 2005 года ушёл из жизни ШОТА ШУРГАЯ, последний Герой Советского Союза, грузин.

А 4 февраля 2015 года 1 канал российского ТВ сообщил о кончине последнего Героя Советского Союза из Литвы Леонида Бородина.

8 декабря 2015 года в Санкт-Петербурге на 94-м году скончался Николай Беляев, последний участник штурма Рейхстага.

Вот ведь жизнь пошла какая:
Разделила, развела.
Слышал, что Шоту Шургая
Смерть неожиданно забрала.

На повозку погрузила
Повезла к себе домой,
Но не знала, что грузина,
Но не знала, что Герой.

А ведь шла за ним по свету,
Где бы только ни бывал.
Шла, когда стране победу
Над фашистом добывал.

Шла сейчас, не чуя груза,
Шла, его перекрестив,
От Советского Союза
Часть Кавказа отломив.

Шла неслышно, как когда-то,
В город скорби и крестов,
Мимо ярких флагов НАТО,
Мимо чьих-то блокпостов.

Вот и в Грузии не стало
Ни Героя за Берлин.
От кремлёвской ниши Сталин
Чечь отдал тебе, грузин.

Может, встретитесь когда-то
Чтоб услышать Божий суд,
Если только танки НАТО
По могилам не пройдут.

РАЗМЫШЛЕНИЯ У МОНУМЕНТА «РОДИНА-МАТЬ» В ВОЛГОГРАДЕ

Распрямилась она над курганом,
Повела для замаха плечом,
Не призывно, как кто-то наганом,
А защитно, как Невский, мечом.

Смотрят в завтра солдатские лица
И сердца на излёте стучат.
Из обугленных ртовobelисков
Губы каменно что-то кричат.

Душат память незрячие слёзы
Возле волжских задумчивых вод:
Ни одной престарелой берёзы
Нынче в этих местах не живёт.

Им, наверное, было б несносно
Над могилами петь в синеве,
Где поныне солёные росы
Полыхают огнём по траве.

Каждый дом бы представить к награде,
Кочку каждую, каждую пядь...
Даже камни кричат в Волгограде,
В Сталинград возвращаясь опять.

СИРЕНЬ ПОБЕДЫ

Он прошёл всю войну без ранений,
Так и думал, вернётся живой.
Но в кипящее море сирени
В День Победы упал головой.

И сирень, вот чего не бывало,
Покачнулась, как будто жена,
Неожиданно алою стала,
А была белолицей она.

И сейчас, лишь весна на пороге,
От Берлина до Крыма теперь,
Расцветает сирень у дороги
И стучится кому-нибудь в дверь.

ЧУГУННЫЙ МОСТ

Сергею Филимонову

Чугунный мост... Гудят его опоры,
Как ноги, омывает их вода,
Но то и дело в мой любимый город
Идут без опоздания поезда.

Под ним играют солнечные рыбы,
В цветах, как в свадьбу, сочные луга.
Чугунный мост, огромное спасибо,
Что рыбаки обжили берега!

Наверно, есть мосты куда шикарней,
О них трубят порой на всю страну,
Но по нему когда-то наши парни
Из Ряжска уезжали на войну.

Рыдает он, что их достали пули,
Что не вернулись в отчие края.
Чугунный мост, стоит как в карауле,
В чугунном сердце боль свою тая.

Свой путь земной он завершит не скоро,
Поёт в пролётах ветер, как труба,
Его опоры – и моя опора,
И грусть моя, и радость, и судьба.

ЭШЕЛОН

В эшелоне песни пели,
Пили горькое вино,
Даже те, кто не умели,
Подпевали всё равно.

Эшелон, оставив запад,
Торопливо шёл домой,
И витал в теплушках запах,
Запах Родины самой.

И охрипшая немножко,
Не смолкая ни на миг,
Всё тревожила гармошка
Соплеменников своих.

Тихо звякали медали,
И сходились кружки в круг.
Столько дней Победу ждали,
Да пришла она не вдруг.

Нет, не вдруг, четыре года
Был запущен чернозём.
Сколько нашего народа
Полегло навечно в нём!

Знать не знали, это после
Посчитают и поймут
Сколько горя, сколько боли
Накопилось там, где ждут.

Уходил всё дальше запад,
Обрывая цепь разлук,
И весенний дождик капал
Под вагонный перестук.

В эшелоне было тесно,
И когда вставал состав,
Обрывалась сразу песня,
Веселиться перестав.

И касаясь костылями
Милой, выжженной земли,
Шли к жене, солдаты, к маме
И крепились как могли.

И для них (они-то знали)
Ныне кончилась война,
Что солдатские медали
Раздала уже она.

Что домой придёт немножко
Целых, сильных, молодых,

Что разбитая гармошка
В светлый час всплакнёт о них...

Эшелон дрожал и трогал,
Тормозил то тут, то там,
И трудна была дорога
К милым дедовским местам.

И казалось, право слово,
Опершись на костыли,
Это ратники Донского
От реки Непрядвы шли.

Шли среди лугов зелёных,
По дорогам шли в пыли,
Только двадцать миллионов
С ними рядом – не могли.

Где-то дети голосили,
Всё пугаясь близких гроз,
Но Победа шла в Россию,
Зелена от вдовьих слёз.

САЛАСПИЛС

«Здесь стонет земля»
(надпись на латышском языке
над входом в мемориал)

Здесь позабыться б долгим сном,
Не видеть этих изваяний.
Но бьёт по сердцу метроном
Сквозь годы и сквозь расстоянья.

Нам гид про лагерь говорит,
Ведёт к гранитным плитам мрачным.
А на руке его горит
Тяжёлый номер шестизначный.

ГОЛОСА

Светлой памяти
всех не вернувшихся с войны

Обливается сердце кровью –
Золотым – золоты леса.
По бескрайнему Подмоскovie
Снова слышатся голоса.

– Говорят, скоро будет зябко,
Станут ночи ещё темней...
– А на взвод сапоги да шапка,
Проживи целым взводом в ней...

– Что молчишь, старшина Емелин,
Что не нравится мой вопрос?..
– Сколько мы ничего не ели?!..
– Что ж ты ужин-то не привёз?..

– Почтальона опять не видно...
– А за почтой ушёл чуть свет...
– Понимаешь ты, что обидно, –
Мне давно уже писем нет...

– Может дома чего неладно?
Всё случается, всё ж, война...

- А так хочется, так-то надо
Знать как дети и как жена...
- На, Петров, отхлебни из фляжки,
Потерпи, попадёшь домой...
- Ну, куда ты в одной фуражке
Босиком побредёшь зимой!..
- Ты добудь сапоги и форму!..
- Ты дорогу расчистишь домой!..
- Как ты мёртвый пойдёшь до дому?..
- Ты ведь с нами, в земле, живой...
- Только вместе пробьёмся к свету,
Только вместе побьём врага...
- Я забыл, что такое лето...
- Я забыл, как идут снега...
- Лейтенант! Ну, отправь за хлебом,
Я без хлеба уже устал...
- Эх, сейчас бы взглянуть на небо!..
- Может, бой идти перестал?..
- Все возможно и наши близко,
Откопают, терпи, сержант.
Мы с тобою под обелиском,
А другие в грязи лежат.

И найдут их, видать не скоро,
А на днях обещают снег...
– И когда из Мясного бора
Смогут вытащить наших... всех?..

– Хватит! Спать, экономить силы!
Старшина, не пали дрова!..
– Лейтенант, ты скажи, Россия
Всё сражается? Всё жива?..

– Эх, Петров, ты не знаешь меры!
Слышал, пушки в Бородино?
Ты пойми, под землёй без веры
Я бы умер уже давно.

Мы ещё года два протянем,
Не забудет своих страна.
Мы, Петров, поживём, мы встанем!..
Не гаси свечу, старшина!

ПОЛК

Полк решит свою задачу.
Он умрёт, но будет так.
Командир, как час назначен,
Ждёт со всех сторон атак.

А задача в поле чистом –
Ни на шаг не отступить,
Не пустить к Москве фашистов,
Под Москвою их разбить.

Полк, не видевший сраженья,
Принимает первый бой.
Ни резервов, ни снабженья,
Только поле за тобой.

Штаб полка – одни мальчишки,
Нет ни опыта, ни карт,
И всё ближе, ближе вспышки
От мальчишек из-за парт.

Командир кусает губы,
Знает, что-то здесь не так.
Не дымят печные трубы,
Тишина – недобрый знак.

А мороз всю крепчает,
Снег колючий до небес.
Полк замёрзший замечает,
Что полз фашист, полз.

Выполняет полк задачу,
В чистом поле насмерть встал.
И нельзя ему иначе –
Сердце крепче, чем металл.

Командир встаёт с наганом,
А за ним – снега, снега...
В белом полушубке драном
Не пропустит он врага.

Но резервы будут поздно,
Но фашисты не прошли.
И глядят солдаты грозно,
Не отдавшие земли.

Есть такие вот задачи –
На войне любой ценой
Устоять в бою, иначе
Будешь проклят всей страной.

Всей страной и всем народом,
Что давал и пить, и есть,

Что в полях и на заводах
Для врага готовил месть.

Полк не выполнил задачу,
Не пойдёт уже вперёд.
Подмосковный ветер плачет,
Плачет так, что жуть берёт.

Полк погиб, покрыли кровью
Снег фашистские войска.
Полк погиб, но в Подмосковье
В землю вмёрз он на века.

Нет, не дрогнули мальчишки,
Нет, никто не побежал,
И всё дальше, дальше вспышки
Полк бессмертный провожал.

РУССКИЙ РУБЕЖ

На присвоение городу Ряжску
Рязанской области почётного звания
«Рубеж воинской доблести»

Салют в Москве Берлин затеял рано,
Ведь надо было Ряжск ещё пройти.
Но танковый кулак Гудериана
Упёрся в неприступные пути.

И в это время Сталин вспомнил Бога,
И Кремль икону поднял в синеву –
Рязанская железная дорога
Не пропустила немцев на Москву.

Она тогда на них взглянула косо,
Отдав, что было лучшее, в горсти:
Как ураган бессмертные матросы
Сметали нечисть на своём пути.

Про этот бой страна тогда не знала,
Но вот отсюда начала она
Из крупновского падшего металла
Ковать своим героям ордена.

А Ряжск не пал, его железный узел
Врага за горло плотно взял тогда,

Чтобы мужик рязанский – косопузый,
Не знал господ на Хупте никогда.

Есть рубежи, наверное, и круче,
Есть города, где были пыль и прах.
Но Ряжск мой жив, и помнит он, и учит,
Что русский дух не знает слова страх.

И пусть враги не верят в эти сказки,
Мы в бой идём с Отчизной на устах,
И точно знаем, в сорок первом в Ряжске,
Задолго до Победы пал Рейхстаг.

А стихи-то ни о чём,
Как мы, в общем жили-были...
«Кто придёт на Русь с мечом...»
И случалось, приходили.

А стихи-то ни о чём –
Никакого в строчках прока,
Всё не тает снежный ком –
Всё идут к нам издалёка.

Ещё луна совьёт гнездо над крышей,
Заглянет в гости ранняя звезда,
Когда сквозь стон я голос твой услышу,
Издали добравшийся сюда.

На батарее кончились снаряды,
Ушли «вертушки» и когда их ждать?
Небритый снайпер рыщет где-то рядом,
Не разучившись в русских попадать.

Смотрю туда, где чей-то ватник тлеет,
Где чьё-то тело начинает тлеть.
Здесь никого никто не пожалеет,
Лишь потому, что некому жалеть.

Вон закопчённый остов бетеэра,
И лейтенант, повисший на броне.
Всё, что осталось, это только вера,
Что нас свои не бросят на войне.

А ты кричишь, и я тебя услышу,
И в полушаге проползёт беда...
Ещё луна взойдёт над нашей крышей,
Заглянет в гости ранняя звезда.

ЖЕНЕ ДРУГА

Прошедшей ночью не стреляли
По взводу мужа твоего.
Мы никого не потеряли,
Мы не убили никого.

Кричит петух в Урус-Мартане,
Встаёт, не выспавшись, рассвет.
Но завтра здесь кого-то ранят
Или убьют... А, может, нет.

Тебе опять приснились горы,
Бинты, впитавшие войну.
Ты хоть во сне забудь, что горе
Тебя постигнет не одну.

Поспи ещё, пока мы живы,
Пока ни снайперов, ни мин,
Ведь ранним утром после взрыва
В живых останусь я один.

ЖЁНЫ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТОВ

Коляски ставят рядом,
Вязанье достают,
Поскольку с детским садом
Ещё непросто тут.

Ещё с работой туго
И с привозной водой.
И катятся по кругу
Рассказы чередой.

Что долго писем нету,
Что отпуск не дают,
Что их мужья с рассветом
Под пулями встают.

Кричат младенцы в зыбках,
И ветерок свежей,
И в скомканных улыбках
Тревога за мужей.

ИНВАЛИДНАЯ КОЛЯСКА

Скрип надрывный летит по свету
От колясочки от его.
И страшней того скрипа нету
В мире песенном ничего.

Вроде, встречных не замечая,
Катит, катит себя солдат,
Но глаза его чуть печально
На идущих вокруг глядят.

Но случится, ресницы вздрогнут,
Скрип такой же услышит вдруг,
Может, рядышком на дороге
Кто знакомый иль даже друг?

Так и съедутся две коляски,
Два молчания, две судьбы.
В землю взгляд, словно сдвинут каски
На свои усталые лбы.

Постоят, скажут два-три слова,
И разъедутся кто куда.
И завидев их, вдовы снова
Возвратятся в свои года.

В довоенные, где по двадцать,
Где рябина в лесу горька,
Где ребята учились драться,
Чтоб до крови, наверняка.

Не успели, ушли нежданно,
Пухом русская им земля.
И калекам им были рады бы,
Как вот этим, что вдаль пылят.

Не пропавшие, с горькой метою,
Не винящие никого,
С давней песней своей не спетою
Века страшного моего.

ИНТЕРВЬЮ

– Вы позволите?
– Садись...
Хлопни форточку, продует.
Ты, писатель, не сердись,
До сих пор не отойду я.

У тебя сейчас одно –
Выдать бой на перевале,
И тебе, видать, «окно»
Для моих ответов дали.

Мол, поярче опиши,
Дай динамики и света,
Чтоб величие души
Отпечатала газета.

Я тебе не стану врать,
Не ищи во мне Героя.
У меня жена и мать
Да ещё детишек двое.

И когда я там упал,
(И подумать жутковато!),
Промелькнуло: всё, пропал!
Как они там без меня-то?!

Знаю, думаешь про долг,
Но тогда, на перевале,
Думал, как приду без ног,
Что домой дойду едва ли.

В бетезре рвал бинты,
И в бреду орал: «В атаку!»
Ну, скажи, а смог бы ты
Пережить такую драку?

Ты прости, я не в упрёк,
Я к тому, что сердце ноет:
На мучения обрёт
Мать и мальчиков с женою.

Я, конечно, не слабак,
Голова как надо варит.
Но не думал, что вот так
Жизнь возьмёт да и ударит.

Мы, конечно, поживём...
Может, слышал, город Шуя?
Не пиши ты ни о чём,
Как солдат тебя прошу я.

Ни к чему, одна возня,
Ни к чему, что в схватке где-то...

Не пиши, майор, с меня
Современного портрета.

Всё как надо, на посту,
По закону и по долгу...
Отвернулся, пустоту
Простынёй прикрыл, как ногу.

НА РОДИНУ

Не спится ребятам в февральскую ночь,
Но жизнь благосклонна
И к ним, и ползущим на Родину прочь
Озябшим колоннам.

Они в напряженье идут по мосту
И траками лают,
А трассеры плотно летят в пустоту,
Но с гор не стреляют.

Патронов осталось полным-преполно,
Остались и мины...
Но в этих горах, опустевших давно,
Застыли машины.

И зябко, и душно в седом феврале.
Сверкают медали,
Но крови за них мы афганской земле
С лихвой передали.

ОТДЫХ

Кроме неба – пустота
И с кулак на небе звёзды.
В эти рыбные места
Помолчать меня завёз ты.

Сел тихонько у костра
И уставился на воду.
Так и слушал до утра
Одичавшую природу.

Щебетал июньский лес,
Шёл подлещик на перловку,
И поскрипывал протез,
Подсекающий неловко.

Я глядел на поплавки
И не мог представить даже,
Как страдало полруки
У тебя под камуфляжем.

ПАРАДНЫЙ МУНДИР

По росту подобран, приталенный ладно,
В кладовой мундир ожидает парадный.

Нашивки сержантские, знаки отличья,
И фото в нагрудном кармане девичье.

Но нет увольнения и отдыха нету,
И маршам бессонным не видно
просвета.

Зовёт и зовёт, поднимая, присяга,
Туда, где бессильна лишь только отвага.

Привал окончательный, видно, не скоро,
Пока по Салангу разносится порох.

И путь возвращенья такой
беспроглядный
Туда, где мундир ожидает парадный.

РАЗГОВОР

– Закваска у ребят не та.
Мы были чуточку проворней...
– И в душах чаще пустота,
И в память не пускают корни...

Один примолк, окурок смяв,
Ну, а другой, подумав малость,
Вдруг рубанул, что начсостав
Порой показывает вялость.

Судили, видимо, правы
И не правы, конечно, где-то,
Две белых-белых головы,
Осыпанных не майским цветом.

Курили два фронтовика
У школы города большого,
Что носит имя земляка
Рожденья шестьдесят шестого.

УЧИЛИЩНЫЙ АЛЬБОМ

И снова письмо из Ташкента.
И боль в сердце долбится лбом,
И чёрная рамочка-лента
Опять заполняет альбом.

Я, кажется, сбился со счёта,
Устал забывать имена,
Но снова выводит кого-то
Из строя чужая война.

Я жив и хожу по Арбату,
Но я почтальонов боюсь.
Не все возвратятся ребята
С последней колонной в Союз.

Напрасно искать виноватых,
Нелепо кивать на врагов.
Год траура восьмидесятый.
Год выпуска раньше на год.

ВДОВАМ «АФГАНЦЕВ»

Качается последняя букашка
В траве пожухлой стынущих полей,
И девочка по имени Наташка
Из люльки поднимается своей.

Она ещё не вымолвила слова,
Она ещё не видела зимы.
Средь жёлтого безмолвия родного
За ней с испугом наблюдаем мы.

Кем вырастет и станет в мире этом,
Кому подарит первые слова?
Проснулась в декабре перед рассветом
Не жившая «афганская» вдова.

Ей похоронка прилетит не скоро,
Но сколько горя принесёт она!
Всю жизнь ей будут сниться только
горы,
И сердце будет разрывать война.

ГРАММЫ МЕТАЛЛА

Вячеславу Захарову

Граммы металла
В остывшей груди.
Славки не стало,
Суди не суди.

Горько и страшно
Словами сорить,
Как о вчерашнем,
О нём говорить.

Только разлуку
Узлом не связать.
Больше мне другу
«Прости!» – не сказать.

Хрупко в рассвете,
В горячем дыму
Горные ветры
Пропели ему.

Рота родная
Взяла перевал,
Кто-то, не зная,
Захарова звал.

Но не ответил,
Не вышел на зов.
Видно, у смерти
Надёжный засов.

Разве поверю
И разве пойму,
Если потеря
Противна уму.

Если на свете
Стоит тишина,
Если у смерти
Такая цена.

ВСТРЕЧА

Игорю Блиджану

Мы не виделись два года.
У него была война.
Как ненастная погода,
Обошла меня она.

Мы не виделись два года,
Хоть носили сапоги:
Он делил с друзьями воду,
Я с друзьями пироги.

Мы не виделись два года,
Мы служили, как могли,
Труд любимого народа
По-солдатски берегли.

Мне такое и не снилось,
Что ты там ни говори,
Но у друга служба длилась –
Каждый месяц шёл за три.

Птицы вьют на ветках гнёзда,
Солнце дарит щедрый свет.
Я не виделся два года,
Он не виделся шесть лет.

А в саду резвится птаха
И поёт, как соловей,
А на мне поёт рубаха,
Мамой сшитая моей.

Я красуюсь перед птицей,
Но задумалась она:
Сколько лет ещё продлится
Та Афганская война?

ВЫВОД

В Афганистане погибло более 15 тысяч
советских военнослужащих

Отвори, Господь, ворота,
Дай взглянуть за Гиндукуш,
Где идут за ротой рота,
Все пятнадцать тысяч душ.

Где вползают на высоты,
На которых полегли,
Дети доблестной пехоты,
Сыновья моей земли.

Пусть посмотрят по-другому
На причины и приказ,
Почему товарищ Громов
Вывел армию без вас.

Дай, Господь, взглянуть на вывод
Тою горькою зимой.
Это ты ведь сделал вывод,
Что пора войскам домой.

Отвори, Господь, ворота,
Где-то там закончил бой

Лучший парень из пехоты,
Лучший в мире рядовой.

И ему поныне снится,
Как злопамятной зимой,
Громов движется к границе,
Уводя войска домой.

Отвори, Господь, ворота,
Дай солдату отдохнуть,
Пусть в лицо нам крикнет что-то
А потом – в обратный путь.

АФГАНСКИЙ СИНДРОМ

Это я на кресте дощатом,
А крещению сотни лет.
Мне ли, грешному, ждать пощады
За сужденья, что Бога нет.

Я не трушу, тащите гвозди,
Пару-тройку больших гвоздей.
Чтобы веру зажечь в народе,
Надо прежде распять людей.

Это глупо, но я невольно
Чётко слышу уже сейчас,
Как московские колокольни
Отпевают мой смертный час.

До свиданья, товарищ Брежнев,
До свиданья, МО и МИД,
Вашей силою центробежной,
А не пулею я убит.

Поднимайте, друзья, бокалы
За погибших в недобрый час.
Как же, Родина, ты устала,
Как состарилась ты без нас!

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Тишину раздавили колёсами
На рассвете у пункта Герат,
И восточное солнце раскосое
Заиграло эмалью наград.

Но назначенный час возвращения
Превращается в траурный час.
У кого мы попросим прощения
За Отчизну, пославшую нас?

Кто сумеет и выскажет истину,
Кто решится упрёки принять?
Мы уходим с душою расхристанной,
На судьбу не отважась пенять.

Безмпешки грохочут зелёные,
Боевые знамёна кричат.
Мы уходим, войной опалённые,
Чтоб об этом стыдливо молчать.

Но за речкой, что кончится митингом,
Станем слёзы украдкой глотать,
И, как некогда, гордые викинги,
Не вернувшихся будем считать.

ЗАПЕВАЛА

Какую хочешь песню закажи,
Любую песню знает запевала.
Давай, сержант, до первого привала
У нас с тобой нелёгкий путь лежит.

Давай, сержант, трудись до хрипоты,
Веди колонну на высокой ноте,
Ведь и в твоей невидимой работе
Мы узнаём солдатские черты.

Неровен век, в печали и в крови
Всё так же трудно крутится планета,
И в мире этом выше песен нету,
Чем эти песни мира и любви.

Слышнее шаг по гулкой мостовой,
Ещё теснее дружеские плечи...
Давай, сержант, ты знаешь, песня лечит
И без команды сплачивает строй.

ВETERАНЫ

Шли на доты и шли на тараны,
Поднимались в атаку в штыки,
Гордость нашей страны – ветераны,
Золотые её старики!

Бушевали локальные войны
Где-нибудь за десятком морей,
И вели себя в войнах достойно
Те, кто клялся Отчизне своей.

Пробирались горами Афгана,
Проходили зелёной Чечни,
Повидавшие жизнь ветераны,
Ветеранами став в наши дни.

Воевали, не ведали страха,
Если вдруг наступала пора,
Чтоб горячая кровь Карабаха
Не достигла пределов Днестра.

Только кровь, к сожалению, льётся,
И опять по велению сердец,
Ветераны идут в миротворцы,
Подставляют сердца под свинец.

Всё умеют они пересилить,
И готовы в боях побеждать,
Чтоб величье и славу России
В руки внуков своих передать.

Веселятся при встречах, как дети,
И продляют улыбками дни,
Беспокойно живут на планете,
Умудрённые жизнью они.

И судьбе непростой благодарны,
Никому ничего не должны,
Ветераны войны, ветераны,
Ветераны великой страны.

КОНТРОЛЬНО-СЛЕДОВАЯ ПОЛОСА

В каком году я слышал этих птиц,
В оттенки пенья птичьего вникая?
Вновь на глухом участке двух границ
Они поют, вниманье привлекая.

Они поют, взлетая в небеса,
Своим дыханьем мирным обдавая...
Контрольно-следовая полоса...
Ах, полоса контрольно-следовая!

Границы нет, но сопки-то вдали,
Шагают к нам, в ложбинах пропадая,
Они ни разу к нам не перешли,
Ну, разве, только эта вот седая.

Ей сотни лет, она ещё растёт,
За ней идут молоденькие сопки,
И в ком-то злой, но теплится расчёт,
Что в них пройдут невидимые тропки.

Здесь в тишину вписались голоса,
Они звучат, сквозь годы оживая...
Контрольно-следовая полоса,
Судьба моя контрольно-следовая.

КРЕЙСЕРА

Крейсера уткнулись в стенки,
Вспоминают долгий путь,
Ну, а я в твои коленки,
От разлуки отдохнуть.

Ты не плачь, родная, смейся,
И не прячь своё лицо,
Сохранил в походе крейсер
Обручальное кольцо.

До чего ж хороший вечер,
Светлый, словно волос твой.
Этот вечер, эти плечи
И смущённый вестовой.

Миг пройдёт, ударят склянки,
Зябко вздрогнут крейсера,
И прощание славянке
Будет сниться до утра.

КУТАИСИ, 15 НОЯБРЯ 1990 ГОДА

Молчит водитель, стиснув зубы,
И я не трогаю его.
От Кутаиси до Цхалтубо
Он мне не скажет ничего.

Закат желтее мандарина
И флаги Грузии вокруг,
Но мы пока ещё едины,
И я ему, надеюсь, друг.

Ещё бригада в Капитнари,
Нет жертв в десантном городке,
Но мы с тобой, грузинский парень,
Уже в далёком далеке.

Ещё всего случится много,
Но среди местной красоты,
Куда идёт сейчас дорога
Не скажем точно я и ты.

МАРШ-БРОСОК

Тебе не нравится вон тот,
А мне не нравится вот этот.
Я мог бы их не брать в расчёт,
Но это никудышный метод.

Куда уйти от красных глаз
Ребят, шагающих не в ногу,
Когда на всех один приказ,
Одна жара, одна дорога.

Одни мозоли на ногах
И соль, припудрившая спину.
Я знаю, трудно в сапогах
Впервые в жизни «карантину».

Вон тот, ушастый и рябой
Уже всю готов заплакать.
А вдруг война, а если бой,
А если дерзкая атака!

И я шепчу: «Герпи, солдат!
У нас ещё такие кручи!
Давай скорее автомат,
С двумя спокойней и сподручней!»

Ушастый вымазан как чёрт,
Пилотка мокрая измята.
Готов заплакать, но идёт,
Не выпуская автомата.

Я улыбаюсь про себя:
«А он мне нравится, чертяка».
Одна жара, одна судьба,
А если надо, и атака.

МЕДАЛЬ "ЗА ОТВАГУ"

Верность воинскому стягу –
Вне сомненья, вне цены.
Нет в медали "За отвагу"
Оборотной стороны.

НА КСП

Сапоги обжигает роса,
Автомат упирается в локоть...
Если здесь и слышны голоса,
То слышны голоса издалёка.

Служба здесь налагает печать
На людей и, конечно, природу.
Вот и звери привыкли молчать,
Не бродить без нужды в непогоду.

Здесь шальная звезда да луна
От маршрута вольны отклониться.
Пролегла КСП как стена,
По которой проходит граница.

С двух сторон барабанят дожди,
С двух сторон, только разные ветры,
Так колотится сердце в груди,
Что слышать его за километры.

До тебя этой ночью дойти
При желании не умудриться.
Ты прости, если можешь, прости,
Это служба и это граница.

До рассвета уже полчаса,
Автомат упирается в локоть.
Если здесь и слышны голоса,
То слышны голоса издалёка.

На палубе места мало,
И юркие, как стрижи,
Взлетают и водят жалом,
Выписывают виражи –
Беспечные с виду МиГи,
Несущие сущий ад.
Готовы к любой интриге
И зорко вокруг глядят.
Никто корабля не тронет,
Пока они в небе есть.
Да разве они уронят
И совесть свою, и честь?!
А МиГ – корабельный житель,
А за штурвалом – ас.
Срывается истребитель
Чтоб службу нести за нас.

НАЧАЛО

Ещё не спели песни лучшей,
Что сокращает долгий путь,
Ещё не выдавался случай
На жизнь по-взрослому взглянуть.

Ещё нелепые вопросы,
Ещё гражданские слова,
Ещё без счёта папиросы
Смолят и служба трын-трава.

Ещё доверчивы как дети
На шулки тёртых остряков,
И не согласны, что на свете
Уместней жить без тумачков.

Ещё не ведают «Подъёма»,
Но осознали, что теперь
Они не те, они не дома,
Где можно нараспашку дверь.

И что дотошно новой меркой
Измерит каждого страна,
И что военная проверка
Отныне не исключена.

НЕ НАДО!

Не шейте победных знамён,
Чтоб с ними – в Европу... Не надо!
Чтоб столько немецких имён
Оставить у стен Сталинграда!

Не надо ходить на Москву,
Не пробуйте вновь Ленинграда.
Пока я на свете живу,
Не надо, не надо, не надо!

Не обижены только лишь Богом,
И надежда одна – на себя,
Если завтра нежданно в дорогу
Позовёт боевая труба.

Нашим ротам название масса,
Но на марше в холодной пыли
Ходит каждый отдельно под Марсом
И заимствует сил у земли.

И за землю вот эту, что носит,
Офицер ли, случись, рядовой,
Свою душу на жертвенник бросят
Ради тех, кто пребудет живой.

И останутся в списках навечно
Убиенных сиять имена.
И выходит, война человечна,
Если только священна она.

Не умерло понятие честь,
Не обуяла страсть наживы,
И совесть есть, и порох есть,
Пока ещё мужчины живы.

Есть путеводная звезда,
Есть на кого ещё равняться,
Но есть и те, кто никогда
Не смогут в полный рост подняться.

О ГРАНИЦЕ

Шипят, у нас не та граница,
Ткни и проткнёшь её насквозь...
Но чтоб проткнуть и убедиться,
Какой закалки нужен гвоздь?!

Не троньте нас, шагайте мимо,
Не сейте злобы семена,
Не только что непроходима,
Неприкасаема она.

ОПОРНЫЙ ПУНКТ

Триптих

I.

Опорный пункт... Его ломает рота.
Устав проверен кровью и огнём.
И незачем военному чего-то
Искать несостоятельное в нём.

Но я пытаюсь. К месту и не к месту.
А может, впрямь, чего-то не учили?
Я представляю казематы Бреста,
Которые фашисты не прошли.

Аджи-мушкой и всё, что было после,
Что в летопись Отчизны сведено.
Опорным пунктом были двадцать
восемь
И пушкари с холмов Бородино.

А может, зря я влез в такие дали,
Куда важнее – из вот этих дней,
Где есть ребята из уральской стали,
А может, даже стали попрочней.

Да, я могу сказать о них немало,

В военной службе знают парни толк.
В опорном пункте, если прижимало,
За батальон сражались и за полк.

Они земли не уступили пяди,
Не посрамили доблести отцов,
Не думая о славе и награде,
Бессмертии своём, в конце концов.

Смешно понять боевой учёбы,
Когда бои ведутся на износ.
На всё они готовы, только чтобы
«Быть иль не быть?» – не ставился
вопрос.

Идут в атаки на ветру знобящем,
Крещёные водою и огнём,
Чтобы жила Россия настоящим,
Безоблачным жила, счастливым днём.

II.

А я опять историю листаю,
Иду туда, где скачет печенег,
Где поле Куликово замечает
И кровь ещё не высохшую снег.

Она сочится из-под снега ало,
И как полынь, горька и холодна,
И сквозь века она меня достала,
И обожгла дыханием она.

Солёная и с привкусом металла
Стрелы калёной или же копыя,
Напоминает, что ты испытала,
Воюющая Родина моя.

Пройти бы мимо, не поведши бровью,
Но не ступить ни шагу, всё – она.
Нет ничего страшнее нашей крови
И страшного понятия война.

Алеет снова, током бьёт по нервам.
В моих глазах темно до тошноты,
Но я смотрю, как ломит в сорок первом
Людская кровь бетонные мосты.

Пылают хаты, и горит пшеница,
И за селом притихшим у реки
Хохочут два откормленные фрица,
Младенцев поддевая на штыки.

Но я смотрю, хочу запомнить это,
Чтоб не простить, чему прощенья нет,

Кровавого военного рассвета,
Залившего собою белый свет.

Неужто слов моих никто не слышит,
Неужто мир покоится в тепле?
Ведь жизнь идёт, и кровь погибших
дышит
В такт всем сердцам, стучащим на
земле.

III.

Берёзы мирно заплетают косы,
Светло под солнцем от цветов и трав,
Но сталь ракет, как скальпель, режет
космос,
Его живые ткани раскромсав.

И на душе мгновенно беспокойно:
А вдруг уже в рассветной тихой мгле,
Свихнулись впрямь на этих «звёздных
войнах»
Живущие со мною на земле:

И я кричу, до звёзд вздымая голос,
Я заклинаю русским языком:

– Пусть солнце щедро поит хлебный
колос
И мать ребёнка кормит молоком!

Не вычислимы атомные взрывы.
Зачем земле забвения печать?
Мы тем сильны и тем на свете живы,
Что в трудный час умеем не молчать.

Но мир от ран излечится не скоро,
Не по душе нам выходы из ПРО.
Не мы для войн изобретали порох,
Позарясь на соседское добро.

И прочь мечты про кровное отмщенье,
Тонка и непрочна такая нить.
Сердцами, как ходами общения,
Народам бы себя соединить.

Напрасно в мире грезится кому-то
Короткая победная война.
Во все века была опорным пунктом
Моя, покой забывшая, страна.

ПЕХОТА

Диптих

I.

Не надо с пехотой на ты,
Познавшие небо и море.
Она ведь такой красоты,
Что даже и не о чем спорить.

Уходит под землю живой,
Сжимая пилотки и скатки.
Попробуй рискнуть головой,
Прийти, положить на лопатки.

Она же в окопе своём,
Сидит, обороне не рада.
И если окоп это - дом,
То дом этот трогать не надо.

Кому, как не ей доверять
Берёзы с ромашками в поле?
Пехота в работе, как мать,
Которой плевать на мозоли.

Не троньте пехоту мою,
Давайте ей молча молиться
Она же, родная, в бою
И первую в землю ложится.

II.

Какие там мотострелки!
Хоть и о них теперь пишу я.
Лежат на пашне мужики
Из Мурома, Орла и Шуи.

Лежат и мокнут до поры,
Невозмутимо ждут приказа.
Ведь в них пока ещё с горы
Никто не выстрелил ни разу.

Они отчаянно дерзки
И не дадут врагу слабинки.
Лежат на пашне мужики
Из нашей золотой глубинки.

Отдай приказ, солдат пойдёт,
Как наши деды, до Берлина...
А мать глядит, не узнаёт
Ушедшего в солдаты сына.

Глядит на фото, где ему
Награду командир вручает.
Ему, и больше никому,
Покой Отчизна поручает.

ПОБЕДА

Победа! Победа! Победа!
Опять бескозырки в цене.
Любите вот этого деда,
Добывшего жизнь на войне!

Встречайте, как старшего брата,
Встречайте, родимые, так,
Как будто вернулся с парада
Последний военный моряк!

ПОБЕДНЫЕ САЛЮТЫ

Таких салютов мир не повторит,
Такой Победы никогда не будет,
Покуда в небе хоть звезда горит
И слово мир не позабыли люди.

ПОВЕРКА

Сергею Шлыкову

Старшина сверяет списки,
Уточняет имена.
Кажется, в Новосибирске
Уместилась вся страна.

Вся она по алфавиту,
Вся на этих вот листах.
Нет пропавших и убитых,
Все пока что на местах.

«Я!» – разносится над строем,
«Я!» – уносится в века.
И стоят в строю герои,
Неизвестные пока.

ПРИЁМ ВЗВОДА

Этот рыжий, а тот конопатый,
Этот, видно, любимец девчат.
В две шеренги застыли солдаты
И в строю терпеливо молчат.

Я смотрю на мальчишечьи лица,
Принимая по должности взвод:
С кем в разведку пойду, коль случится?
Кто со мною в разведку пойдёт?

ПРИЗЫВНИКИ

Ещё по форме не одеты,
Нет за плечами вещмешков,
Свои военные билеты
Хранят в карманах пиджаков.

Они спешат к местам приписки,
От мест родных удалены,
И лейтенант читает списки
На площади, среди весны.

«Равняйся!» – командою короткой
Над головами разнеслось.
Проходит строй, от силы рота,
А пол-России набралось.

ПРОЩАНИЕ С ВОЕННЫМИ ГОРОДКАМИ

Когда меняем адреса
И временные пояса,
К вокзалам торопясь неожиданно,
Купив журнал цветастый в путь,
С вещами вместе в чемоданы
Мы упаковываем грусть.

И опустевшие дома,
Где жили лето и зима,
Вблизи заставы напряжённой
Займут теперь и будут жить
Совсем молоденькие жёны,
Которым некогда тужить.

ПУТЬ

Весна. Рассвет. Военкомат.
Отец, притихший и небритый.
Его сводящее с ума,
Почти неслышное: «Смотри там...»

Автобус. Поезд. Городок.
Примерка обмундирования.
Забытый Богом уголок
С десятком сопок без названья.

Подъём. Дорога. Полигон.
Проверка. Должность замкомвзвода.
И приносящая циклон,
Непостоянная погода.

Приказ. Цветастый чемодан.
И в след летящая «Славянка...».
Мои солдатские года
Вбирать готовится «гражданка».

Сирень. Черёмуха. Весна.
Вдоль чёрной пахоты грачиха.
Как хорошо, что не война,
Как хорошо, что дома тихо.

СЕРЖАНТ

Под ремень заправив китель,
На котором в ряд значки,
Мой сержант и мой учитель
Ходит с мелом у доски.

Он легко читает схемы,
Чертит карточки огня.
Суть военной теоремы
Раскрывает для меня.

Ведь, случись, на поле ратном,
Там, где выучка хранит,
Что осталось непонятым,
Он уже не объяснит.

КУРИЛЫ

Гарнизончик, где все на виду,
Где паёк по приказу положен,
Где плюс десять два раза в году
И нормальный режим невозможен.

То средь ночи ворвётся тайфун,
То темно от визжащих метелей,
То огни приблудившихся шхун
Заставляют срываться с постелей.

Лейтенанты не спят по ночам,
Рядовые не знают покоя,
И к стальным гарнизонным плечам
Долетает дыханье прибоя.

На краю беспокойной земли
Нервы ветер взбесившийся лечит,
А над сопкой летят журавли
И горят поминальные свечи...

ТИШИНА В ОТСЕКАХ

Светлой памяти
экипажа АПЛ «Курск»

Захлебнулось Баренцево море
Мёртвою титановой волной,
И Россия, чёрная от горя,
Мысленно в пучине ледяной.

Там ещё сердца стучат с надрывом,
Там не верят в свой последний час,
И, реактор заглушив до взрыва,
Умирая, думают о нас.

Не слышны в немых отсеках крики,
Глушит боль щемящую волна,
И бессильно смотрит «Пётр Великий»:
– Что же ты наделала, страна?!

А страна спускает вновь подлодки,
А страна и дальше жить должна,
И опять матросские пилотки
Примеряют к морю мичмана.

УЧЕНЬЯ

Плыть до берега – два взмаха,
А всё кажется, тону.
Но защитная рубаха
Не даёт идти ко дну.

Доплыву, какое дело!
Я не раз уже тонул.
Напряглось упрямо тело
И до суши дотянул.

Как на луг глядеть приятно,
Не сводить с подлеска глаз...
Только плыть ещё обратно.
Доплыву ли в этот раз?!

В ГАСТШТЕТТЕ

Мы сидим с генералом в гастштетте.
Первый раз тут чужой генерал.
А хозяин в годах, в сорок третьем
Может быть, в генерала стрелял.

Но молчит и услужливо пиво
Предлагает для пробы гостям,
И внимательно смотрит, пытливо,
Что из пива понравится нам.

Проплывают бутылки и банки
В этикетных нарядах своих...
– А ты знаешь, хорошие танки
В сорок третьем я видел у них!

Ну, давай же отпробуем пива,
Вывод войск тут всю начался...
И сидел он опять молчаливо,
То и дело на немца кося.

Но за десять минут до закрытья
Улыбнулся чему-то и встал.
Видно, вспомнил такое событие
Переживший войну генерал.

На пороге застыл, оглянулся,
Смерил немца от шляпы до пят.
– Ты, как я, невредимым вернулся.
Ну, спасибо за пиво, солдат!

А хозяин смотрел виновато,
И судьбою, и Богом храним,
Понимая, что где-то, когда-то
Генерал этот виделся с ним.

ДЕНЬ ПОГРАНИЧНИКА

Балагурят, бедокурят.
Только это праздник их.
Вспоминают, молча курят,
Выпивают за своих.

Часть России, часть народа,
Служит Родине века.
Пограничная порода,
Пограничные войска.

Мужикам давно за сорок,
Но мальчишки всё равно,
От защитных гимнастёрок
Им отвыкнуть не дано.

Всё такими же остались,
Как и в дальнем далеке.
Пошумели, пообщались
И граница на замке.

**РАЗГОВОР С РОБИНЗОНОМ
КРУЗО
О СЕГОДНЯШНЕМ ДНЕ**

От Лондона до Лаперуза
Жить бы и жить в любви.
Прости, Робинзон Крузо,
За то, что Бейрут в крови!

За то, что афганский мальчик
Падает, не поймёт,
За что его, словно мячик,
Пулемёт.

От дыма в России душно.
И кажется, в сотый раз,
Целятся в наши души,
В нашу культуру, в нас.

Чего только в мире нету!
Думай, трудись, живи!
Только кричит планета
Снова по грудь в крови.

Пойми, Робинзо Крузо,
Что там твоё ружьё,

Если над миром – грузом –
Атомное копьё.

Думаешь, зачитались,
Потягиваясь по утрам,
Мы безучастны остались
Ко всем мировым ветрам?

Нет, нам с лихвой хватило,
Наша судьба – не мёд.
Это ведь нам в затылок –
Пулемёт.

Пойми, Робинзон, носится
Над крышами вороньё,
Над нами с тобой заносится
Атомное копьё!

ШЕСТАЯ РОТА

Рота может развернуться –
В бой пойти и не вернуться,
Но прославиться в веках.
Рота может содрогнуться,
Но пред смертью не согнуться,
Удержать себя в руках.
А ещё врага держать
И от страха не дрожать.
Рота может в землю лечь,
Чтоб гора в Генштабе с плеч.

9 МАЯ 2010 ГОДА

9 Мая, а грустно,
Хоть праздник великий такой.
В наследство доставшийся груз нам
Пропитан великой тоской.

А память всё бьёт по рукам нам
И некуда память девать,
А, значит, и дальше из камня
Мы прадедов будем ваять.

ГЕРОЙ РОССИИ

Герою России Александру Маргелову

Герой тогда и есть Герой,
Когда не думает об этом,
Встаёт за Родину горой,
Встаёт порой за всю планету.

Героем каждый может стать,
Но это всё-таки второе,
Не каждый может воспитать
Для подвига в себе Героя.

Герой не может предавать,
Он это плотью понимает.
Героя дарить людям мать,
Отец до неба поднимает.

Герой шагает по стране,
Он останавливает воду,
Горит в огне, горит в броне,
Но дарит мирный день народу.

Герой войны, Герой труда,
Во имя мира сердце рвущий...
Его горячая звезда
Как вечный памятник живущим.

ВОЕННЫЙ ХУДОЖНИК

Виталию Пасечникову

Художник тонко знает дело,
О чём-то размышляет вслух.
Ему в картине важно тело,
А в персонаже важен дух.

Он осторожно кистью водит,
Он краску по холсту кладёт,
И постепенно дух находит,
Которым жив его народ...

В руке зажатая граната,
Глаза горящие, бинты,
И твёрдость русского солдата
Непостижимой высоты.

ГОЛОС

«Вот ты представь, что ты в бою,
Один за Родину свою.
А за тобой отец и мать,
Которые не могут встать.
А нечисть прёт, и прёт, и прёт,
И ты командуешь: «Вперёд!».
Кричишь: «В атаку!», – никому,
Лишь только сердцу своему.
Неважно, выдержит оно,
Что выдержать не суждено.
Ведь главное, не отступил,
Хоть землю кровью окропил.
Но в этот миг солдатом стал,
Навечно встал на пьедестал.
И там, сквозь ливни и снега
Не пропустил в свой дом врага...
Вот ты представь, что ты в бою
Один за Родину свою.
Представил?! А теперь: «Вперёд!
За Родину, за свой народ!»
...Встаёт мой дед из забытья,
И в деде прорастаю я.

ИГРА В ВОЙНУ

Не могу сидеть спокойно,
Потерял надолго сон.
Мир, помешанный на войнах,
Обступил со всех сторон.

Я приглядываюсь к сыну.
У него, у чудака,
Вновь показывают спину
Чужеземные войска.

Он победой не гордится,
Над фанеркой спину гнёт,
Знает, крепость пригодится,
Если снова враг придёт.

Войны – страшная нелепость,
Неподвластная уму,
Но сынишка лепит крепость,
Понимая, что к чему.

В СКОРОМ ПОЕЗДЕ «РОССИЯ»

В тамбуре накурено и душно.
Но влетает в окна ветерок.
Лейтенант волнуется: «Послушай,
Далеко ещё Владивосток?»

У него неведенье во взоре,
Новенькие звёздочки блестят.
Погоди, ещё увидишь море,
Потерпи, товарищ лейтенант.

Встанет город гюйсов и фуражек,
Чаек, сейнеров и маяков.
Потерпи, ещё себя покажешь
Ты в кругу бывалых моряков.

Спи, братишка, ты гудки услышишь,
Не вставай ни свет и ни заря.
Ты ещё кому-нибудь напишешь
Как бросают в бухте якоря.

В городе плывущих бескозырок,
Где к ветрам привязаны дома,
Нежным словом, в общем-то не лирик,
Ты сведёшь кого-нибудь с ума.

Спи, братишка, и гудки и крики –
Все плеснёт к ногам твоим прибой.
И тебе откроется Великий,
Если он подружится с тобой.

ВЗВОДНЫЕ

Шитых золотом, генеральских,
Мы не ждём от судьбы погон.
Генералами да не в сказке
Взводных делает полигон.

Несусветною пылью встреченных,
Позабывших про выходной,
Пусть медалями не отмеченных,
Но отмеченных сединой.

Всё по сопкам да по сугробинам
Проливаем свой пот опять,
Поливая им землю Родины,
Чтобы кровью не запятнать.

ГРАНИЦА

Сладко нам, спокойно спится
Не служивым потому,
Что всю жизнь не спит граница
И не верит никому.

Доверяет только лучшим
Счастье Родины она,
И всегда на всякий случай
Как струна, напряжена.

Ты не тронь её, не тронет,
Просто так не зазвонит.
Всех пришедших с миром помнит,
Всё хорошее хранит.

Нет на ней замков пудовых,
Вроде, вся обнажена,
Но такое это слово,
Тронь и встанет вся страна.

Добрый день, авиация флота!
Не помеха тебе облака,
Если ты прикрываешь кого-то
И на волны глядишь свысока.

Сводит ненависть врагам скулы,
Неуютно соседствовать им.
Вы не бойтесь служивых, акулы,
Мы в обиду и вас не дадим.

Не сердчайте на службу, подруги,
На своих непутёвых мужчин,
Никого в этой водной округе,
Кроме наших бессонных машин.

Возвращенье – нам праздник и сказка,
Солнце, соль и шторма – за спиной,
И антенна, как будто указка,
Нас выводит на берег родной.

АДАПТАЦИЯ

Проснётся ночью, курит жадно
И размышляет до восьми:
В запас уволили? Ну, ладно,
Но не из жизни ж, чёрт возьми!

Зачем-то вытащит фуражку,
Примерит, в зеркало косясь,
И дрожь по телу, словно пряжка
С размаху по спине прошлась.

ВОЕННО-МОРСКОЙ ФЛОТ

На форму морскую спрос,
На службу во флоте квота.
Я подданный, я матрос
Военно-морского флота.

Россия мне не дала
Достойные службы блага,
Но всё же не отняла
Военно-морского флага.

Мне есть разгуляться где
Даже в Каспийском море,
А Родине и в беде
Я не доставлю горя.

Не сгнил ещё бот Петра
И в этом есть свыше что-то,
И входят в строй катера
Военно-морского флота.

ВОЗВРАЩЕНИЕ С ВОЙНЫ

По деревне плач и стоны
Неприветливой родни –
У Нефёдова Антона
Сын вернулся из Чечни.

Он руки пожать не может,
Он молчит, а был остряк.
У отца мороз по коже –
Всё не верится никак,

Что ушла его кровинка,
Что остался он один,
Что лежит в гробу из цинка
Не познавший счастья сын.

И отец сутулит спину,
Долго силится понять,
Как вернувшегося сына
На прощание обнять.

Вот и в космосе не разойтись,
Вот и спутники русские бьются.
Но, крестись небесам, не крестись,
Шансы выжить ещё остаются.

КОМАНДИРОВКА

Николаю Иванову

Друг мой год не находит места,
Возвратившись из Гудермеса.
Сядет утречком у плетня,
Смотрит пристально на меня.
Дескать, что ты, ещё живой
И не тронулся головой?
Я случайно возьмусь за плеть,
Чтоб скулящего пса огреть –
Друг мой за угол в два прыжка,
Целит палкой исподтишка.
Он-то знает, что «пулемёт»
При «зачистке» не подведёт.
И строчит он: «Та-ра-ра-ра...»
С кирпичом на меня: «У-р-ра!»
Он когда-нибудь попадёт
И «гранатой» меня убьёт.
И кричу я ему: «Сержант!
Всё, отходим... Давай назад!»
Что-то там про себя бубня
Он даёт в пустоту «огня».
Он не верит, что я убит,
В землю взглядом по пояс вбит.
Но зарубку он нанесёт
На припрятанный «пулемёт».

Час проходит и у плетня
Он прикуривает у меня.
Так вот жизнь у него течёт.
Каждый день он меня сечёт.

КОНТРАКТНИКИ

Контрактники страха не знают,
Не лезут в бою напролом,
Но чести своей не роняют,
Не прячут себя за углом.

И в пекло идут, если надо,
В работе с утра дотемна.
Но жаль, что им часто награды
Посмертно вручает страна.

Газеты про всех не напишут,
Не все возвратятся назад.
А горы Кавказские дышат
И в чистые души глядят.

Уходят контрактники в горы,
Где так неуютно зимой,
Не думая даже как скоро
И все ль возвратятся домой.

ОЖИДАНИЕ

Вы кого-нибудь спросите,
Вы задумайтесь хоть раз,
Сколько их у нас в России
Кровь проливших за Кавказ?

Сколько ран на теле носят,
Сколько душ опалено?
А с кого за это спросят
И осудят заодно?

Как и прежде, брат на брата,
Вновь во злобе и во лжи.
И за всё одна расплата
Человеческая жизнь

У меня друзей немало,
Что прошли весь этот ад.
Есть и те, которых мамы
Бесполезно ждут назад.

И глядят, глядят на фото
Мамы их который год.
Жизнь идёт, идёт пехота...
Всё идёт, идёт, идёт...

КОНТУЗИЯ

Две-три пули и точка,
И меня уже нет.
Из того вон лесочка
Начинался рассвет.

Магазины пустые,
Ф-1 – на груди.
Но пришли Ми-шестые
И санбат впереди.

Но меня уже нету,
Я по небу лечу,
И я белого света
Никогда не включу.

Но я всё-таки слышу
И сквозь дальний разрыв:
– Этот, кажется, дышит...
– Да, действительно, жив...

– Вероятно, контужен...
– Слава Богу, что цел...
Я от смерти разбужен,
Я без помощи сел.

...Медсестра из Рязани
Промедол вводит мне.
А в Рязани не знали,
Что я был на войне.

МИННОЕ ПОЛЕ

На дороге танк без башни,
Как солдат без головы,
И какой-то хрен на пашне,
Сразу видно, из Москвы.

И чего полез на мины,
Для чего утюжит грязь?
Я ему прикрою спину,
Я ему налажу связь.

Пусть он помнит это поле,
Пусть запомнит эту ночь...
Он стоит, глаза мозолит,
Он кричит: «Земляк, помочь?!»

Он идёт по бездорожью,
Трассеры над головой.
Да пригнись ты, Матерь Божья,
Как ты до сих пор живой!

Он идёт, заговорённый,
Он погибнуть опоздал.
Я его на Малой Бронной
Год назад ещё видал.

Он шагает колеёю,
И дымится колея,
Он идёт от боя к бою,
Как Добрыня, как Илья.

МИНЫ

Куда тебя на мины понесло?
Ходить по минам – это ремесло.
Но лучше без такого ремесла,
Чтоб мина жизнь твою не перешла.

МОЗДОКСКАЯ МОЛИТВА

Виктору Верстакову

Молятся сержант и подполковник,
Льются слёзы догоревших свеч.
Может, ведь, случиться и такое –
Им в бою придётся завтра лечь.

Белый голубь на оконной раме
Внемлет им, стоящим в тишине,
И в Моздокском православном храме
Осеняет павших на войне.

Мнится мне, что он посланник Бога,
Чист как снег, как зимняя вода.
Божья птица, я прошу немного –
Не спеши забрать их навсегда.

СЕВАН, ИЮЛЬ 1990 ГОДА

Едим шашлык, купаемся в Севане,
Полдневная теплынь и тишина.
А впереди – печаль и расставанье,
Большая Карабахская война.

Свеча мерцает, снова День прощённый,
Друзья мои, да что ж все пули в нас...
Я думаю, а был ли ты крещённый,
А если был, то, что же Бог не спас?

НА КАВКАЗ

Мужики играют в карты,
Не бросают, хоть убей!
Но смеётся над солдатом
Молодой валет бубей.

Он не выиграл ни раз,
Не обучен ничему.
Может быть, в горах Кавказа
Карта выпадет ему.

Но валет смеётся снова,
Словно взводит пистолет.
А в окно глядит виновный,
Повидавший жизнь, валет.

НОЧНЫЕ ПТИЦЫ

Этих птиц не разбудят снаряды,
Не прогонят с насиженных мест,
Потому что, как под Сталинградом,
Вмёрзла в землю пехота окрест.

Ну, а птицы-то наши, вороны,
А солдаты-то из-под Москвы.
И звенят на морозе патроны,
Ходят пули поверх головы.

Только спят эти странные птицы,
Не вникая в ночные бои.
Ничего ведь не может случиться,
Если рядом не дремлют свои.

Но бывает, ворона и каркнет,
Всполошившись по-бабьи во сне,
На прозябшего во поле парня
Накликаая беду в тишине.

И опять лишь о землю патроны,
Чей-то голос: «Не надо врача...»
Спят себе беспробудно вороны,
Но во сне не умеют молчать.

ОДИНОЧЕСТВО

Жену схоронил и невестку
И с внуком стал век вековать.
Но внуку прислали повестку,
И внуку пришлось воевать.

На счастье надеялся, строил
Беседку в саду и не кис.
Но внук стал посмертно Героем,
И жизнь потеряла свой смысл.

Он ладит у дома качели,
Едва шелохнётся весна...
А вот и грачи прилетели.
Какая быть может война?!

ОПОЗНАНИЕ

Труп за трупом, гроб за гробом.
Не видать конца войны...
На счёту и на особом
В этом морге пацаны.

Ну, а что от них осталось,
Что о них известно нам?
Сколько за сердце хваталось
В этом морге русских мам!

Сколько в судорогах билось,
Сколько висло на руках...
Ничего не позабылось,
Но не вспомнится никак.

Опознание длится долго,
Потому что долог взгляд,
Потому что после морга
Мамы видеть не хотят.

ПОСАДКА

Возвращаемся с заданья,
Фляжку тёплую деля,
А внизу мелькают зданья,
Чёрно-белые поля.

Хорошо в тепле чумазым,
Каждый радуется, цел:
Бивший в нас «Иглой» промазал
И к Аллаху отлетел.

Вот огни аэродрома
Прорезаются во мгле.
Мы уже почти что дома,
Мы почти что на земле.

Этой зябкою порою
Страшно хочется тепла.
В этот раз над Ханкалою
В нас вонзается «Игла».

Вертолёт, десантом полный,
Всем нутром своим хрипит.
Дальше я уже не помню,
Дальше я уже убит.

ПОТЕРИ

Александрю Тамоникову

Россия, моя ты святая,
Всю жизнь под свинцовым дождём.
Девятая рота, шестая...
Вот так и до первой дойдём.

ПРОВОДЫ В АРМИЮ В РУССКОЙ ДЕРЕВНЕ

Ещё рассветает, а птицы кричат,
Спросонок глаза продирают.
Красивых ребят у красивых девчат
России служить забирают.

Как в Русско-японскую, как с
немчурой...
Но верю, такой же порою
Вернётся в деревню вихрастый Герой.
А кто-то не станет героем.

И матери плачут, кого-то кляня,
Отцы в одиночестве курят...
– Храни тебя Бог... Только чтоб не
Чечня...
– Смотри, не погибни по дури!..

ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР

– Это я! Ну, как там, дома?
...Ну, конечно, это я!!!
Нет, я не с аэродрома...
Что ты, милая моя!

Берегусь! А как иначе...
Да, порой бывал горяч...
Мама, мама! Кто там плачет?
Что ты плачешь? Ну не плачь!

Как служу? Ты, знаешь, всяко...
Спим, не спим, встаём чуть свет...
Вот закончилась атака
И живых со мною нет...

Два часа нас с горки били...
Это мой последний бой...
Если бы не твой мобильник,
Не простился бы с тобой.

...Ну, какая телеграмма?!
Ладно... Если отобьюсь...
Всё, прощай! До встречи, мама!
Умираю! Не сдаюсь...

ФОТО

– Заходи, сестричка Маша!
Мишка, друг, запечатлей!
Ты во имя дружбы нашей
Нынче плёнки не жалей.

Дай-ка я поближе сяду,
Дай-ка Машу обниму.
Что не надо? Маша, надо!
Надо так, как никому!

Распусти свой волос белый,
Прикоснись ко мне щекой.
Я сегодня самый смелый,
Я какой-то не такой.

Я от пуль себя не прятал
На злопамятной войне.
Позарез сейчас, ребята,
Это фото нужно мне.

Я надеюсь, скрасит шрамы
Мишкин фотоаппарат.
Пусть сама увидит мама
Как глаза мои горят.

Как любовью сердце пышет,
Как оно во мне поёт.
Ох, как жарко Маша дышит,
Спать ночами не даёт!

ШАЛЬНАЯ ПУЛЯ

Две пули встретились и разошлись –
Одна под сердце, другая ввысь.

И та, что в небо гулять пошла,
Шальнойю пулей в степи была.

В разгаре лета, в ночном бою
Сыскала пуля мишень свою.

Пробила сердце и будь здорова,
И нет солдата из-под Ростова.

А там, от сына письмо читая,
Взялась за сердце мать молодая.

Кусала губы, встав на колени,
Молясь в тот угол, где бились тени.

Сюда вот пуля зашла хозяйкой.
Глядь, кирзачи стоят, висит фуфайка.

Присела пуля тихонько рядом,
Кося по дому стыдливым взглядом.

Пришла свинцовой, ушла пунцовой
От тётки Тони от Кузнецовой.

Рыдая, пуля упала в грязь –
У жизни с пулей прямая связь.

Я ЕЩЁ НЕ ВЕРНУЛСЯ С ВОЙНЫ

Я ещё не вернулся с войны –
Столько пуль выковыривать надо
Из души из моей и страны,
Материнского жуткого взгляда.

Я ещё не вернулся с войны,
По горам мои думы блуждают.
По-бандитски меня со спины
Волчьи дети ещё поджидают.

Я ещё не вернулся с войны,
Растворился в просторах Вселенной.
И не ведаю, сколько вины
На солдатах, доставшихся плену.

Я ещё не вернулся с войны,
Я лишь только с неё возвращаюсь.
Больше пули боюсь тишины,
Только с небом и Богом общаюсь.

Я ещё не вернулся с войны.
Это будет, наверно, не скоро.
Обелисками со стороны
Мрачно смотрят Кавказские горы.

Я ещё не вернулся с войны...

ДИК-ДУ*

Бой в двухтысячном году:
Горы – речка – горы...
Всё нормально, всё дик ду,
Занавесьте шторы.

Кожей чувствую, беду
Ворон мне пророчит.
Всё нормально, всё дик ду,
Всем спокойной ночи.

Кто-то целится в звезду
На моём погоне.
Всё нормально, всё дик ду,
Пуля не догонит.

Пуля – дура, я в бреду,
Покидают силы.
Всё нормально, всё дик ду,
Не такое было.

Утром я живой приду,
И увидят люди?
Всё нормально, всё дик ду –
Было, есть и будет.

**Дик ду (чечен.) - все хорошо, все отлично*

ДРУГУ

Выпускникам НВВПОУ 1979 года,
павшим в боях за Родину, посвящается

Посёлок Камень-Рыболов
И ресторан с названьем «Лотос».
Здесь достают из-под столов
И жадно пьют после полётов.

За крайний столик на троих,
Пока ещё компаний нету,
Я сел и выпил за своих
Ребят, разбросанных по свету.

Нас было всех почти что сто,
Но одного в тот день не стало.
На этом свете ни за что
Его сегодня не хватало.

Он сотню раз меня спасал,
Сто раз одалживал рубаху,
И умирал, и воскресал,
Казалось, что не ведал страха.

Но так случилось, не в бою,
В «наливнике» достала пуля...

Я и ему стакан налью,
Он рядом ёрзает на стуле.

Я кожей чувствую его,
Мне за судьбу его обидно.
Он выпьет, это ничего,
Что за столом его не видно.

Он одинок в своей дали.
Не достаёт ему ночами
Родных берёз, родной земли,
Её веселья и печали.

Я представляю как стакан
Берёт мой друг рукою слабой,
Придя ко мне издалека
Через года, через ухабы.

Он заглушает водкой боль,
Он тоже павших поминает,
Как мы, живые, меж собой,
Один погибших вспоминает.

Но вот я слышу, дверь скрипит,
И чувствую, что друг мой вышел.
А Камень-Рыболов не спит,
И Ханка* всё на свете слышит.

Ты приходи сюда ещё,
Мой друг, в бою не знавший страха,
Здесь ждут тебя моё плечо,
Моя душа, моя рубаха.

**Ханка - озеро в Приморском крае и Китае*

ГОСПИТАЛЬ

– Что ж вы, доктор, не сумели
справиться
С этой раной? Я вас не пойму!
Дома мамка у меня красавица!
Как теперь я мамку обниму?..

Спит майор, устав от ампутации,
Спит, в руках испытывая зуд.
Он-то знает, скоро с операции
Вот таких, увечных, привезут.

Спит майор, не выпуская скальпеля,
Он привык не слышать на войне.
Капли крови, как мгновенья, капают
В жуткой госпитальной тишине.

ГРОЗНЫЙ

После крови, после грязи
Всё наладится в стране
И на Северном Кавказе
Позабудут о войне.

Станут дети веселиться
И поля вовсю цвести
И Чеченская столица
Будет, глаз не отвести.

А пока что мины рвутся,
В каждый дом стучит беда.
И свои до смерти бьются
И уходят в никуда.

Двадцать первый век нескоро
Подойдёт ещё к концу.
Растирает Грозный город
Кровь и слёзы по лицу.

БЛОКПОСТ

Птицы выклевали ночь
До последней звёздочки.
Я живой и я не прочь
Выпить стопку водочки.

Не возьмёт меня снаряд,
Снайпер не дотянется,
С битым сотню раз подряд
Ничего не станется.

У дороги полевой
Мины вновь зачвакали,
А в деревне под Москвой
Все глаза проплакали.

Жду замену и не сплю
В тишине за блоками.
Я живой и я люблю
Эту жизнь жестокую.

На плечах моих горят
Две весёлых звёздочки.
Потерпи, Зеленоград,
Скоро выпьем водочки.

В КРОНШТАДТЕ

Пришли, ни свет и не заря,
А в полдень – в улочки Кронштадта.
Ну, что ж, встречайте якоря,
Смущайте прибывших, девчата.

Неважно, что там впереди
И что ещё там будет после?!
Но сердце склянки бьёт в груди,
И залит солнцем остров Котлин.

Встал, а осень под окном,
Хоть и не было намёка.
В летнем модуле моём
От дождя намокли окна.

Все дороги развезло,
И на них танцуют листья.
Я не знал, что в этот год
Эту землю буду грызть я.

Через час начнётся бой,
Будет дождь за ворот литься.
Что начертано судьбой,
То, наверное, случится.

Может быть, возьму в прицел
Я того, кто в друга целил.
Я в боях остался цел,
А мы столько соли съели.

Выходили из огня,
Выходили на растяжки.
Друг в горах спасал меня,
Друг поил меня из фляжки.

Не спасла его броня,
Не помог житейский опыт...
Долго ж целится в меня,
Хмурый снайпер из окопа.

Война войной, обед по расписанью...
И вот уже разносят термоса,
И вот уже ефрейтор Ванин Саня
На помощь призывает небеса.

– Побольше мяса ниспошли мне, Боже,
Даруй мне, Боже, в схватках сотни лет...
А Ванин Саня это просто кожа,
Натянутая прочно на скелет.

Такие вот и числятся в проглотах,
У них всегда один несытый вид.
Он через день слизнёт обед за роту,
И роту прикрывая, устоит.

ВОЙНА

Что ты мне светишь под ноги
фонариком,
Что ты не дремлешь, луна,
Что освещаешь меня и напарника?
Это же наша война!

Дома и стены помогут, как водится,
Куст неказистый спасёт,
Если на мины пойдём, Богородица
Мимо тех мин пронесёт.

Женской любовью от смерти хранимые,
Снова увидим рассвет.
Жалко, что всё-таки люди ранимые
И что бессмертия нет.

БРОНЕЖИЛЕТ

Я, как предок мой, в броне
Разъезжаю по войне.
В камуфляже, в каске,
Только в страшной сказке.

Где от пуль спасенья нет,
Где в цене бронезилет –
Современная кольчуга,
Да спина, да стойкость друга.

Лишь бы снайпер, целясь в нас,
Не ударил ниже глаз.
Проживу в бронезилете
Я сто лет на белом свете.

А закончится война,
Отстегнёт его жена,
Упадёт ко мне на грудь...
Ты, жена, не обессудь!

Тянет, тянет нас домой,
Ох, как тянет, боже мой!
Тянет, аж спасенья нет,
До земли бронезилет.

– Мой родной, не подведи! –
Сердце молится в груди.
Врос в Кавказ бронезилет.
Знать бы мне, на сколько лет.

ИЗ СИРИЙСКОЙ ТЕТРАДИ

ОТЛОЖЕННАЯ КОМАНДИРОВКА

Виктору Узиюку

Я должен был лететь туда,
Не должен был себя жалеть я –
В семидесятые года
Уже прошедшего столетья.

Кружили в небе «Миражи»,
Команды шли не человечьи.
И чью-то радость, чью-то жизнь
Я должен был взвалить на плечи.

Но вот возьми и заболей...
Дублёр мой примерил брюки,
И я, здоровый дуралей,
Потом сходил с ума от скуки.

Была надёжною «Стрела»,
Ракеты уходили с люльки,
Жизнь на кону тогда была,
А не была игра в бирюльки.

Расчёт не прилетел назад,
И мне потом ночами снились

Дублёра добрые глаза,
Которые всегда светились...

А вот и новая война,
Опять сирийцев разделяют.
И лезут в память имена,
Как будто в сердце мне стреляют.

Лечу в «Хмеймим», где блокпосты,
Где вновь сегодня наши дети.
Уже в который раз на «ты»
С войной общаюсь на рассвете.

МОДУЛЬ

В модуле гостиничном комфортно,
Но не удаётся полежать,
И не сделав на прощанье фото,
Мы должны отсюда уезжать.

Вот и позади командировка,
Обнимаю крепко земляка.
Руку жмёт мне на прощанье Вовка
И с тоской глядит на облака.

Напишу когда-нибудь о встрече
И о том, как служит он в полку.
Ветерок, жара, хотя и вечер,
И пора на службу земляку.

СПОРТПЛОЩАДКА АВИАБАЗЫ

Вячеславу Верлану

Один нарезает круги,
Себя истязая до пота,
Другой, не жалея ноги,
Мешок колошматит. Работа!

Я видел такое не раз
На этой спортивной площадке.
Наверное, это спецназ,
И всё у спецназа в порядке.

Готовятся к худшему здесь
Чтоб, если случится такое,
То сбить с неприятеля спесь
И выйти с победой из боя.

В СТОЛОВОЙ

Григорию Приступницкому

Едим в палаточной столовой,
О многом предупреждены,
И ощущаем, как сурово
Лицо горячее войны.

Мелькают тельники и берцы,
Фуражки, кепи... колпаки.
Идут поесть, а также сердце
Несут согреться мужики.

Играет радио в палатке,
Доносит новости страна,
И этим утром всё в порядке,
Но не закончилась война.

АПЕЛЬСИНЫ

За блокпостом устроились мальчишки.
Они из всех дичающих садов
Нам принесли, наверное, излишки
Вкуснящих апельсиновых плодов.

Торгуются умело, бесенята,
Кричат кому-то запросто: «Бери!».
Как наши деревенские ребята,
В садах чужих полазив до зари.

Война войной, а дети – это дети,
Но им зачем-то доллары нужны.
Пред воинскою частью на рассвете
Сидят мальцы, посланники войны.

ВСТРЕЧИ

(В День святого Духа)

Александр Нелепину

Жена встречает на рассвете
Оттуда, где идёт война,
И встречи долгие вот эти
Считать не устаёт она.

На небо смотрит неустанно,
На каждый звук – во все глаза.
Есть у неё на сердце тайна,
Которую открыть нельзя.

А может, это и не тайна,
А вера в Бога на века.
И, думаю, что не случайно
Обходят мужа облака.

СИРИЯ

Звучит, наверное, нелепо,
Но, кажется, что ты там был.
– Сходите, станция Алеппо,
А дальше – станция ИГил!

А дальше что? Такие дали!
Кого тут нет который год!
Наверно, в Сирии не ждали,
Что нечисть вся сюда придёт.

Вот и летим в «Хмеймим» из дома,
Гуманитарный груз везём,
За тишиной аэродрома
Что можем, людям раздаём.

Листаем свежие страницы,
С небес взираем на войну.
И переходим все границы,
Чтоб сохранить свою страну.

СОЛДАТСКИЙ РЭП

Тишина сторожевой заставы,
На обед ещё горячий хлеб.
И контрактник, озорной и бравый,
Выдаёт нам «на закуску» рэп.

Ох, как он читает, причитает,
Как же всё доходчиво, мудро!
Он не только службу почитает,
Он войне глядит сейчас в нутро.

Не даёт грустить своим ребятам.
Балабол! Ну, это не скажи!
Он, как Тёркин, на войне когда-то,
Верит и в звезду свою, и в жизнь.

Верит он Верховному и точка!
Верит командиру своему.
И простая рэповская строчка
Тоже подчиняется ему.

СВЯЩЕННИК

Отцу Дмитрию Солонину

Он вошёл в автобус на Садовом,
Он уже не первый раз туда,
Где мужей оплакивают вдовы,
Где за каждым камушком беда.

Молча помолился на дорогу,
Положил котомку не спеша.
И казалось, улетела к Богу
Нашего попутчика душа.

Он молчал и попусту не спорил,
И глядел в окно на купола.
Он за жизнь успел взглянуть на горе,
Что война народам принесла.

Он летел на базу по замене,
Он летел в палаточный свой храм,
Где не раз, вставая на колени,
За солдат молился по утрам.

...Самолёт завис над облаками.
И привыкший к мирному труду,
И крестом священник, и руками
От летящих отводил беду.

НА БЛОКПОСТУ

Смешной щенок, как и хозяин,
курский...
Приученный к единственным рукам,
Он даже не облаял нас по-русски,
А ткнулся в ноги русским мужикам.

И на привет ответить не умея,
На привязи уставший до тоски,
Он проскулил, что рядом ходят змеи,
Вы тут поосторожней, мужики.

И снова в будку от жары палящей,
От нашей ласки и от наших ног,
Такой родимый, русский, настоящий,
Ещё на зло не лаявший щенок.

ПУНКТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РАЗГРУЗКИ

На пункт психологической разгрузки
Уже спустилась местная жара,
И как-то удивительно по-русски
Нам чая предложила медсестра.

Зашла со службы, а служила близко,
Не надо было за сто вёрст ходить.
И капитан из-под Новосибирска
Не знал, куда девчонку усадить.

Она читала свежую газету –
На пункт приходит «Красная звезда»,
Все новости горячие по свету
Летят и опускаются сюда.

Ей довелось служить почти в пустыне,
Где по соседству буйствует война.
– Да пейте ж вы, а то ведь чай остынет, –
Прощебетала весело она.

– Ну, как тут жизнь? – спросил серьёзно
кто-то, –
Нужны ли настоящие врачи?
– Да, в общем-то, не пыльная работа,
Поскольку нам и некого лечить...

КОНЦЕРТ НА АВИАБАЗЕ

Идёт концерт, и хлопают солдаты
Писателям, стоящим на плацу,
И мысленно уносятся куда-то,
И что-то растирают по лицу.

Наверно, в точку попадает слово,
Наверно, надо больше важных слов.
Тогда и будет нация здорова,
Тогда не надо будет докторов.

И я о счастье вновь стихи читаю,
О том, как важно Родину хранить.
И с лётчиками к счастью улетаю,
Чтоб ни себе, ни им не изменить.

Из облаков приходят самолёты,
И на минуту оглушает гром.
Счастливой вам, товарищи, работы
Сегодня, завтра, много лет потом.

В МОСКВУ

... А до Тверской подать рукой,
Но пять часов полёта.
И запекает о Тверской
Негромко песню кто-то.

Но исключаются огни
И смех во время взлёта:
Такая жизнь, такие дни,
Такая, вот, работа.

Внизу чужая нам земля,
Огни в чужих жилищах.
И там гражданская война,
Чужие пепелища.

Но в небо смотрят сотни глаз
Противников режима.
Наш самолёт уносит нас
От них неумолимо.

А завтра лётчикам опять —
Вот этим же маршрутом,
Чтоб кто-то мог спокойно спать,
Спокойно встретить утро.

АНТИЛИВИЙСКИЕ ГОРЫ

Антиливийские горы,
Авиабаза «Хмеймим»...
Скоро, наверное, скоро
Мы до своих долетим.

Смотрим на снежные горы,
Кажется, это Кавказ,
И вероятно, с укором
Горы взирают на нас.

Мол, ну, чего разлетались?!
Хватит над нами летать,
Мы же на свете остались,
Чтоб недоступными стать.

Мы понимаем, что надо,
Мы понимаем, война.
Но не хотим, чтоб снаряды
Нам посылает она...

Снова под крыльями город.
Молча любимся им...
Антиливийские горы,
Авиабаза «Хмеймим».

БАНЯ МОРПЕХОВ

Мы так и не сделали фото,
Чтоб чашу беды не испить.
Морпехи российского флота
Готовились баню топить.

А баня здесь стала народной,
А русская баня в цене.
Кавказа отведавший взводный
Подумал о ней на войне.

Хоть нет этой бани в Уставе,
Но слава о бане гремит.
Она прижилась на заставе,
На зависть соседям дымит.

Да, мойтесь, ребята, не жалко!
Входите скорей, земляки.
Вот мыло, а вот и мочалка,
И веничек вам, мужики!

Подумалось, вот и смекалка,
Природная русская статья.
Да, мойтесь, ребята, не жалко,
Ведь главное, форму держать.

Тогда не минуют успехи
И чашу беды не испить.
Готовятся наши морпехи
Народную баню топить.

ЗМЕЙКА

Талант, как говорится, не пропьёшь,
Не закопаешь, не утопишь в воду.
Вонзается привычно русский нож
В сирийскую древесную породу.

Дрожит в руках негнущийся бамбук.
Война войной, но жить он тоже хочет,
И выскользнуть пытается из рук
И затеряться под покровом ночи.

Дрожи, бамбук! Не на того напал!
За жизнь твою не дам сейчас копейки.
И я хочу, чтоб ты отныне стал
Песчаной извивающейся змейкой.

Когда с войны приедешь на Урал,
Когда тебя сержант представит дочке,
Ты вдруг поймёшь, что век твой не
пропал,
И ощутишь язык в себе и почки.

МОНЕТА

Александрю Мищенко

Чтоб не забыл командировку эту,
Полковник при отъезде с блокпоста
На память молча протянул монету,
Где в реверсе – знакомые места.

Знакомые и памятные миру.
Всего-то десять фунтов номинал,
Где арка трёхпролётная в Пальмиру,
Которую я сразу же узнал.

Нам в школе хорошо преподавали,
И древний мир я впитывал в себя.
Но вот не думал, что в такие дали
Забросит жизнь когда-нибудь ребят.

А жизнь прямолинейна и жестока,
Поди свою монету угадай.
На аверсе – седой сирийский сокол,
Уже хлебнувший горя через край.

Живи спокойно, вечная Пальмира,
Отгородившись, аркой, как стеной.
Держу монету с древним ликом мира,
Ещё не обожжённую войной.

СТОРОЖЕВАЯ ЗАСТАВА

Настили от сырых снарядных ящиков,
Сухая маскировочная сеть.
И, кажется, сейчас возникнут ящеры,
Чтоб на тебя поближе посмотреть.

Они сочлись с воюющими славою,
В историю вписали имена,
И странно им, за этою заставою
Не хочет успокоиться война.

Но снова объявляют перемирие,
Чтоб кто-то мог покинуть отчий кров,
И беженцы, и беженцы из Сирии,
От сытых апельсиновых садов.

«Вертушки» висают над заставою.
Наверняка, не просто поднялись.
И ящеры с воюющими славою,
Как оказалось, вовсе не сочлись.

ВЫСТАВКА

Памяти художника
Людмилы Гулар

Мы в одной столовой ели,
За одним столом.
Но остались акварели
Навсегда в былом.

Золотые виды Крыма,
Солнечный Арбат.
Как цветы неповторимо
Смотрят на ребят.

Розы праздничные в вазе,
Розы на войне.
Эта выставка на базе
Грудь сдавила мне.

Всё пройдёт, и снег, и грозы,
Служба в суете.
Лишь оставленные розы
Стынут на холсте.

«АЛЛИГАТОР»

Я минорный, я из грусти,
Из печали и дождей.
Я на самом деле русский,
Только в небе я ничей.

В синем небе звёзд навалом,
«Аллигатор» ищет цель.
Замурованный металлом,
Я твоей любовью цел.

А печаль моя минорна,
Потому, что ты вдали,
И любви небесной зёрна
Не касаются земли.

Но они рождают веру,
Что и любишь ты, и ждёшь.
В нашем небе, в небе сером
Поджидает русский дождь.

Прилечу к тебе сквозь вспышки,
В нежном танце закружу,
И любимому сынишке
Небо в звёздах покажу.

ФОТОВЫСТАВКА НА АВИАБАЗЕ

Вячеславу Калинину

Фотовыставка бывшей корейской,
Необъявленной в прошлом войны.
Будто ныне на базе армейской,
Русский лётчик в часы тишины.

На уже пожелтевшее фото
Долго смотрит усталый старлей,
Словно сам он во время полёта
Среди дальневосточных полей.

Ничего не меняется в мире,
Бесконечна на свете борьба.
На подлёте к сирийской Пальмире
Улыбнулась старлею судьба.

И глядит он в далёкие дали,
Где ровесник застыл у крыла.
А на фото, что всё передали,
Жизнь, как мирное небо, светла.

«НОЧНОЙ ОХОТНИК»

«Ночной охотник» спать привык при свете,
При свете звёзд уходит в небеса.
Он, как в тайге охотник, всё приметит
И с высоты расслышит голоса.

Не тронь его, иначе будет крышка,
В азарте он испытывает дрожь.
Он видит всё и, если где-то вспышка,
То от него под землю не уйдёшь.

Напорешься, всегда получишь сдачу,
Ему подвластны и дожди, и мгла.
И не в пример заморскому «апачу»,
Он виртуоз, он русская юла!

Идёт на цель, а небо сводит скулы,
Плевать ему на чей-нибудь оскал.
Ведь на земле ждёт «Чёрная акула»,
А он ей возвратиться обещал.

«Ночной охотник» курс берёт на базу,
Чтоб отдохнуть и вновь идти на цель.
Не промахнулся он ещё ни разу
От Родины за тридевять земель.

САПЁРЫ

На войну солдат не тянет,
У неё тяжёлый след.
Наши инопланетяне
За работою чуть свет.

Извлекают молча мины
Иванов и Галустян,
И черны от пота спины
Этих инопланетян.

Каждый метр – поле боя,
Но сапёры не грустят.
Снова жертвуют собою
Иванов и Галустян.

А за ними следом дети,
Позабывшие покой,
Ведь у них на белом свете
Нет защиты никакой.

Никому за страх и голод
Эти дети не простят.
Но ведут их в бывший город
Иванов и Галустян.

Русский хлеб в огне и дыме
С ними делят на войне.
И они почти своими
Стали этой ребятне.

Стали, как два старших брата,
Ребятне, наверняка,
Два сапёра, два солдата,
Два приезжих мужика.

ТАРТУС

Помолились и шейхи, и принцы,
Спят на небе Аллах, Иисус.
Окликают бездомные птицы
Часовых возле базы Тартус*.

Не шумит Средиземное море,
И такая стоит тишина!
Сколько ж можно разжёвывать горе,
Что, как хлеб, преподносит война?!

Мало здесь понимают по-русски,
Но и в этом далёком порту
С Богородицею светлой Тартусской
Пребывает матрос на посту.

Эта церковь далёкого века,
Но доступна, как счастье, она,
И прощает грехи человека,
Утешает во все времена.

И глаза у матроса сырые,
И от счастья пылает лицо.
Беззащитная Дева Мария,
Боевой «Адмирал Кузнецов».

**Тартус – второй по величине портовый город в Сирии. В 1123 году там была построена церковь Богородицы Тартусской, и население города поклонялось Деве Марии. Сейчас в здании располагается музей.*

ТВОЯ ВОЙНА

Александр Колотило

Не замыкайся на войне,
Пиши о доме,
Хоть и не видишь ты во сне
Чего-то кроме.

Опять к тебе пришла она,
Диктует строки
Твоя не первая война,
Вновь на Востоке.

Держи, как раньше, хвост трубой,
Ещё не вечер,
И дома встретимся с тобой,
Отметим встречу.

Заходит с тыла седина,
Спешат морщины...
Но если где-то есть война,
Там есть мужчины.

СИРИЙСКАЯ ЖАРА

Безбрежно небо голубое,
Не европейская жара,
Плюс пятьдесят – само собою
Который день уже с утра.

На небе ни единой птицы,
Ни рваных туч, ни мошкары.
И только солнечные лица
От изнуряющей жары.

Жара! Она сейчас повсюду,
Как угорелая, с небес.
И пластиковую посуду
Солдаты прячут под навес.

На этой выносной заставе
Не дуют знойные ветра,
И Сирией сегодня правит
Не проходящая жара.

ГОРОДКИ

Памяти уроженца с. Городки
Тюльганского района
Оренбургской области,
Героя России, старшего лейтенанта
Александра Александровича
Прохоренко,
принявшего последний бой
в провинции Хомс.

Сколько в России моей Городков,
Давших таких золотых мужиков?!
Светлая память погибшим в бою,
Что за Россию бесстрашно встают!
И не доступны свинцу и огню,
И прожигают сердцами броню.
Тот, кто на помощь позвал ВКС,
Фениксом нынче из пепла воскрес.
Мысленно Хомсом его прохожу,
И неустанно в пример привожу.
И не сломить никому никогда
И Городки наши, и города.

САШКА

Триптих

Памяти уроженца Оренбургской
области Александра Прохоренко,
погибшего в Сирии в районе
населённого пункта Тадмор
провинции Хомс под Пальмирой

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ*

В твой день рожденья началась война,
Великая, каких ещё не знали.
Сквозь толщу лет, но добралась она
И до тебя, шагнув в такие дали.

Она и не кончалась никогда.
Как говорит народ, ломать – не строить.
То здесь, то там пылают города,
То здесь, то там рождаются Герои.

И ты шагнул навек на пьедестал,
Стоишь теперь, незыблемый, как ветер.
И подвиг твой звучать не перестал,
Не перестал быть разовым на свете.

Над Сирией проходят облака,
Лежит Пальмира древняя, как боги.
И подвиг твой солдатский – на века,
И подвиг твой – пример другим в итоге.

**Александр Прохоренко родился 22 июня
1990 года*

ПАН*

Он не слышал, как ему кричали,
Мол, сдавайся, всё равно конец.
И входили светлые печали
В душу, как невидимый свинец.

Он молчал и слушал рокот стали,
И, как бомбы падают, трубя.
Разве террористы эти знали,
Что огонь он вызвал на себя.

Поняли, но только было поздно,
Им с небес, почти наперерез,
Разрывая в клочья южный воздух,
Шли почти все наши ВКС.

За него воздушная держава,
Била неприятеля в упор.
Сашка, Сашка, знал бы ты, что слава
О тебе шагнула за Тадмор.

Я не знаю твоего кумира,
Но теперь в России пацаны
Знают, что на свете есть Пальмира,
Есть Герои у моей страны.

Будут войны, будут постоянно,
Будет в войнах плавиться металл,
Но никто ещё такого пана
В мире, кроме нас, не воспитал.

*ПАН** – передовой авианаводчик

ПРОХА*

Сашка, Сашка! Сашка Проха!
Одиноко стало мне.
Без тебя, товарищ, плохо
И любимой, и стране.

У друзей отняли друга,
Но для них ты всё живой.

И летит до Оренбурга
Незабвенный голос твой.

Ты застыл навеки в бронзе,
Ты и в улицах живёшь,
А по ним детей провозит
Радостная молодёжь.

Только в памятные даты
Всё равно стоишь в строю,
Смотришь, как тебе солдаты
Чечь при встрече отдают.

Да, такая, брат, эпоха...
Снова выпала война...
Сашка, Сашка! Сашка Проха,
Вечный, как моя страна!

**Между собой друзья называли Александра
Прохоренко Прохой.*

БРОД

Кто сказал, что в этом броде нам
Ни за что не повезёт?
Ведь не мы, а это Родина
Хлеб для Сирии везёт!

Вброд идём по неизвестности,
С грузом для детей идём.
Даже на открытой местности,
То под солнцем, то дождём.

Мы своей бронёй укутаны,
Рядом с нами вся страна.
Может быть, потом кому-то нам
Даст Россия ордена.

Мы сильны своею волею,
Верой, правдою сильны,
И детей с тяжёлой долею
Накормить теперь должны.

Наши дети письма пишут нам,
Ждут с победою домой.
Мы вернёмся в мае вишенном
Или этою зимой.

Хорошо, что дома верят нам,
В письмах делятся теплом.
А тепла всегда немерено,
Лишь бы ждал и помнил дом.

ГУМКОНВОЙ

Белый мрамор Сирийской пустыни,
Раскалённое солнце с утра.
До полсотни по Цельсию ныне
В этой самой пустыне жара.

Но колонна ползёт неустанно,
А в машинах вода и мука.
Мир, как тонкую ниточку, тянут
Три расплавленных броневика.

А в бойницу песчаного «Тигра»
Зорко смотрит сейчас лейтенант,
Не забывший военные игры,
Что оплошность в бою не простят.

И на сердце у парня такое!
По дороге – разруха-беда...
Но ползут, и ползут гумконвои
В разорённые города.

Их встречают сирийские дети,
И глаза у мальчишек блестят:
Добротой их и лаской приветит
Не выдавший войны лейтенант.

Он на «Тигре» в Алеппо приехал,
К тем, кто думать забыл о тепле.
И Россия, как дальнее эхо,
Прозвучит на сирийской земле.

Господи! Туи! Ну, как под Москвою!
Кажется, впрямь, не летал никуда.
Пахнет почти новогодней хвоей,
Словно бы мир возвратился сюда.

Будто бы рядом красивая сказка,
Лишь не хватает блестящих шаров.
Но в развороченных окнах Дамаска
Нынче не видно беспечных голов.

Жизненным деревом тую назвали,
Жизненным деревом стал кипарис.
Всё б оно так, если птицы из стали
С неба с надрывом не падали вниз.

Как оно будет? Ни криком, ни лаской
Не успокоить сирийский народ.
Господи! Туя растёт под Дамаском,
Господи! Как под Москвою растёт.

ПАЛАТКА

В этой палатке просторно и чисто,
Сцена в палатке такой не нужна.
Самых любимых чтецов и артистов
Шлёт на гастроли к военным страна.

В смокингах модных, в седых
камуфляжах
Входят в палатку, как в ложу, они.
Главное-голос и то, как заряжен
Каждый для нашей защитной брони –

Наших ребят, что сегодня на суше,
Не в небесах, не лежат под огнём.
Сели тихонько, чтоб хлопать и слушать
В зале концертном безоблачным днём.

Пой и читай, если в гости приехал,
Верь, что ты нужен кому-то сейчас,
Чтоб долетало до Родины эхо
Нежных ресниц и восторженных глаз.

ПЕРЕД ВЫЛЕТОМ

Не забудь поговорить с машиной,
Ты её, как женщину, погладь.
Каждый новый вылет для мужчины
Может и последним в небе стать.

Потому и важно экипажу,
Верить самолёту, как жене.
И шептать на ухо фюзеляжу
То, что вслух не скажешь на войне.

Загляни своей машине в душу,
Не бывает лишним разговор.
И взлетай, и никого не слушай,
Только голос сердца и мотор.

Доброта не поддаётся сглазу,
И металл мечтает о тепле.
Пошепчись и прилетай на базу,
Обними машину на земле.

РУССКИЙ ХЛЕБ

Как вкусно пахнет русский хлеб!
Как хорошо готовят дома!
Вот поклониться в ноги мне б
С далёкого аэродрома

Всем тем, кто на стерне стоял,
Потел в какой-нибудь пекарне,
Чтоб дух солдатский выше стал,
Чтоб помнили Россию парни.

Какой же вкусный хлеб ржаной!
И сколько света в чёрном хлебе!
А значит, со своей страной
Мы на чужой земле и в небе.

ПОЛЕВАЯ КУХНЯ

Кухня, как в России, полевая,
Тут и черпаки, и колпаки.
В бак походный воду заливают
Знающие службу мужики.

Будет каша вкусной и душистой,
Запах улетит за облака.
И застыл в своём халате чистом
Рядом военврач из городка.

Не отходит ни на шаг от бака,
Как хозяйка встала у плиты,
И аэродромная собака
Тянет запах, спрятавшись в кусты.

Мирный день, теплынь вокруг такая,
Впору форму с плеч уже снимать.
А в России, сыну потакая,
Кашу маслом разбавляет мать.

И всё ждёт, что тихо вздрогнут двери,
Мать замрёт и молвит: «Это ты?!»
И какие могут быть потери,
Если мать хлопочет у плиты!

Убереги от пуль и мин
Своей любовью и разлукой,
Своей немислимою мукой
И мыслью, что я тут один.

И я вернусь к твоим рукам,
К твоим глазам, глядящим в небо.
Чтобы тебя услышать, мне бы
Приплыть домой по облакам.

И по грозе и по дождям,
Где мы с тобой гуляли двое,
Под крышами и под листвою,
По улицам и площадям.

Не верь, что я не прилечу
И жди звонка с аэродрома.
Я позвоню, что буду дома
Через минуту. Не шучу!

Сирия. Северо-запад.
Птицы на небе – к вестям.
И апельсиновый запах
Ноздри щекочет гостям.

Всё не привычно в итоге,
Не пробивает жара.
В лужах у старой дороги
Спорит с жарой мошкара.

И забываешь, что рядом
Не затихает война,
И принимает снаряды
Словно подарки, она.

Рыжее солнце пустыни,
Горные эти хребты,
Если возможно, отныне
Не возводите кресты.

Сирия. Северо-запад.
Утренний полумрак,
И апельсиновый запах
Не исчезает никак.

Свой взгляд на войну у каждого,
Но всё же, как ни крути,
Война со своею жаждою
Многих сбила с пути.

Сириец идёт за тачкою,
Сириец везёт цемент...
За политической качкою
Виден житейский момент.

Каждому кушать хочется.
Авиабаза «Хмеймим».
И никакие пророчества
Не разглядеть сквозь дым.

База живёт и трудится,
База встаёт чуть свет.
Ну, а Земля-то крутится,
Ей передышки нет.

Ставят надолго здания,
Лавочки возле них...
Снова идёт с задания
Пара моих родных.

ПРИЛЁТ НА АВИАБАЗУ

Мы-то думали, база спит,
В этот час только сны и снятся.
Оказалось, армейский быт
И в России, и тут разнятся.

Все до мелочи включено
В распорядок и дня, и ночи.
Вот такое оно кино,
Жизнь бессонная, между прочим.

Ждёт автобус. Ревёт мотор
Отбомбившего самолёта.
Так и кажется, будто с гор
Наблюдает за базой кто-то.

Террористов в горах, как мух,
Много зла на моей планете...
Но у нас и глаза, и слух,
И влюблённые в небо дети.

ВОЕННЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ

В красном солнечном берете,
В чужедальной стороне,
Он за всё сейчас на свете
Отвечает на войне.

Всё ему сейчас подвластно,
Всё доверено ему.
Вот он и подобострастно
И не служит никому.

Служит только по уставу
И не лезет на рожон.
Выезжает на заставы,
Охраняет грузы он...

И его, встречая где-то,
Уважительно зовут.
Наши красные береты
Жизнью полною живут.

И покуда знают дело,
Служат верно вдалеке.
И ребята будут целы,
Да и база на замке.

ПЛАКУЧИЕ ИВЫ

Как в России, плакучие ивы,
Можжевельник, полынь, виноград.
И несметное поле оливы,
И питающий зелень Евфрат.

Начитались о Сирии в книжках,
Но воочию встретились с ней:
Босоногие чьи-то мальчишки –
Безотцовщина нынешних дней.

На солёное озеро снова
Опускаются птицы чуть свет.
А у этих мальчишек ни крова,
Ни понятия Родины нет.

Всё бредут и бредут по дороге.
А куда она ныне ведёт?
В кровь разбитые души и ноги,
Прикрывающий их вертолёт...

РОДИНА ДАМАССКОЙ СТАЛИ

Бить её не перестали,
Режут вдоволь на войне.
Родина дамасской стали
Закаляется в огне.

Здесь не спать уже устали,
Быть всё время на коне.
Родина дамасской стали
Закаляется в огне.

Только в сердце не попали,
Сердце у неё в броне.
Родина дамасской стали
Закаляется в огне.

И чеканятся медали
Лучшим воинам в стране.
Родина дамасской стали
Закаляется в огне.

СОБАКА

Она встречает самолёт
Один и тот же из полёта,
Как будто бы передаёт
Ей время возвращенья кто-то.

Сидит, как молится, она,
Бессонная и золотая,
И понимает, что война
Работа очень не простая.

И так ей хочется взглянуть
В лицо тому, кого не знает.
Но гермошлем, чтобы вздохнуть,
Прилюдно лётчик не снимает.

Но всё равно, придёт пора,
Он подойдёт, потреплет холку.
И слёзы радости с утра
Смахнёт собака втихомолку.

КАПИТАН

Капитан намылил щёки,
Ощутил парфюм чужой.
От него бандиты в шоке,
Если он над головой.

Капитан об этом знает,
Он гроза окрестных гор.
Он, как Бог, в горах летает,
Он бандитов бьёт в упор.

Он не светится прилюдно,
Только круче, чем плейбой.
Ох, в горах бандитам трудно,
Если он вступает в бой.

Он готовится в Россию,
Он настолько знаменит!
В небе нет его красивей,
Да и Бог его хранит.

Улетит он завтра рано,
Сделал всё уже, что мог.
Вспоминайте капитана,
Что в горах летал, как Бог.

БРОДЯЧАЯ КОШКА

Дозвониться до Тулы пустяк.
Связь прекрасная, слышимость в норме.
– Как там, дома? Скучают, земляк?
– Дочка кошку бродячую кормит!..

В свой пустующий модуль бредёт:
– Вся в меня, получается, крошка!
А под модулем кошка живёт,
Как в России, бродячая кошка.

И майор, чтоб не видел народ,
Эту кошку бродячую гладит,
И она ему силы даёт
И никто с ним на свете не сладит.

ИЗ КОМАНДИРОВКИ

Взлетает борт, забитый до отказа,
И на кого-то офицер ворчит.
А вдруг с земли какая-то зараза
Огни его на небе различит.

Путь не простой, а в небе всё бывает,
А впереди весёлая Москва.
За всех за нас он нынче отвечает,
И говорит конкретные слова.

Пройдём район, и включат свет пилоты,
Теперь болтай до самой до Москвы.
Но веселиться как-то не охота,
Хоть с лётчика не снимут головы.

А он опять вернётся по маршруту,
Жену оставив на ВДНХ,
И снова скажет в сотый раз кому-то,
Чтобы убрал мобильник от греха.

ПЕРЕГОВОРНЫЙ ПУНКТ

Я пообщался б со всеми
Теми, кто ждёт выходных.
Но им отпущено время,
Чтобы услышать родных.

И убегают ребята,
Счастьем коротким полны.
Чья-то изба или хата
Видятся лучше с войны.

Что им чужие расспросы,
Слава и просто ля-ля?
Поговорили матросы,
Как окунулись в поля.

Будто в бурлящую воду
Парни сегодня вошли,
Чтобы взглянуть на природу
Милой с рожденья земли.

И ничего им не надо,
Кроме того, что есть дом,
Где за кудрявой оградой
Ждут и надеются в нём.

АВИАБАЗА «ХМЕЙМИМ»

Молча в курилке дымим,
Ждём указаний.
Авиабаза «Хмеймим»
Так далеко от Рязани!

В небе ни облачка нет,
Птиц не хватает.
Это отсюда чуть свет
Кто-то взлетает.

И по сплошной синеве
По небу мчится.
Мама в любимой Москве
Не огорчится.

Сына дожждётся домой
Только с победой.
Молится: милый ты мой,
Только беды не отведай!..

Под нарастающий гул
С неба спустился.
Снова в нём не утонул...
Перекрестился...

Снова в курилке дымим,
Ждём указаний.
Авиабаза «Хмеймим»»
Так далеко от Рязани!

КОПИЯ ЗНАМЕНИ ПОБЕДЫ

Николаю Иванову

Конечно, копия, но всё же
Рождает гордость этот стяг.
На блокпосту оно похоже
На то, что взмыло на рейхстаг.

Стоим под ним, стихи читаем,
Слова в поддержку говорим.
И мы историю листаем,
И мы историю творим.

Оно потом всплывёт на сцене,
Напомнит Родину бойцам,
И подвиг прошлых поколений
Пройдёт волною по сердцам.

НА ВОЙНУ

Через доли, через горы,
Через спящую страну
Покидают парни город,
Улетают на войну.

Кто им там готовит встречу,
Кто накормит поутру?
Но полёт судьбе навстречу
Принимают за игру.

Удаляется столица,
Не видны уже огни.
И пока не прячут лица
Обожжённые они.

Всё потом, сейчас – дорога
И сумбурных мыслей строй.
Всё, конечно же, от Бога,
Даже самый первый бой.

СИГАРЕТЫ

Хоть и не советуют, купили
В русском военторге сигарет,
Чтоб ребята молча покурили,
А потом прожили сотню лет.

И они о том расскажут дома,
За столом собравшейся родне,
Как почти вблизи аэродрома
Первый раз курили на войне.

А потом не тронули ни пачки,
Что в кульках поэты принесли.
И они лежали там в заначке,
Вдалеке от неба и земли.

Получили светлые медали
За покой и близких, и чужих,
Потому, что дома очень ждали
И всегда надеялись на них.

Но почти у каждого хранится
Пачка тех дарёных сигарет.
Ну, а вдруг, и правда, так случится,
Проживут на свете сотню лет.

ДОЗАПРАВКА

Я прилетал сюда давно,
Он был прифронтовым когда-то:
На спящий город суждено
Глядеть проснувшимся солдатам.

А им потом ещё лететь,
И самолёт огни потушит.
Но дома можно и шуметь
И открывать друг другу души.

Вот и хохочут остряки,
Застыл заправщик у машины.
Но мирно дремлют моряки,
Уже солидные мужчины.

Какой же непростой народ
Летит в сирийские просторы!
А память вновь меня ведёт
В прифронтовой когда-то город.

Я вижу битый вертолёт.
Как, сверив целеуказанья,
Уйти торопится пилот
С аэродрома на задание.

Но он назад не прилетит,
Его собьют, считай, что дома.
Война проявит аппетит
Почти вблизи аэродрома...

Вновь набираем высоту,
У каждого своя работа.
Удачи, «ТУ...», везенья, «Ту...»!
И всем счастливого полёта.

ЖЕНЩИНАМ-МЕДИКАМ

Вам бы девушки, рожать
Сыновей и дочек,
Вам бы в жизни избежать
Всех «горячих точек».
Любовались бы на вас
Мужики со стажем.
Ну, а вам пришёл приказ,
Предложенье, скажем:
Вместо светлых снов в тепле
И признаний мужу,
Боль родных в чужой земле
Пропускать сквозь душу.
Закрывая в модуль дверь,
И заснув под утро,
Только б не было потерь,
Молитесь кому-то.

КОМАНДИР ВЗВОДА

Мы возвращались с блокпоста.
Стояла тихая погода.
И жизнь, как с чистого листа,
Прожить готовился комвзвода.

Солдатом он прошёл Чечню,
Но не устал от службы ратной,
За Родину и за родню
Готов и на Кавказ обратно.

Прощаясь, взял под козырёк,
И – в маскировочные сети.
Обычный с виду паренёк,
Каких полно на белом свете.

Вот только стержень в нём иной,
Другая, прочная, закалка.
Он за других встаёт стеной
И жизни за других не жалко.

РОТАЦИЯ

Никто не погиб и не ранен,
Горячею этой зимой,
И так же, как раньше, в Афгане,
Летят по замене домой.

От солнца копчёные лица,
И руки от солнца черны.
И ждёт возвращения столица
Любимых мальчишек с войны.

Конечно, они не мальчишки,
И многое в жизни прошли,
И видели страшные вспышки
Вдали от родимой земли.

Их ждут беспокойные мамы,
Их ждёт на параде страна.
Но не отпускает упрямо
Чужая и наша война.

ВОЗВРАТИТЬСЯ!

Незаметная работа –
Самолёт уходит ввысь.
– Ну, удачного полёта
И на базу возвратись!

Пусть не будет трудной трасса.
Я молюсь, и ты молись.
Я прошу, как брата, аса:
Сделай всё, но возвратись!

Чтоб жена встречала дома,
Хоть и трудно, но крутись,
На огни аэродрома
Из полёта возвратись!

Пусть взирают мрачно горы,
Что до неба поднялись,
Ну, до встречи, брат, до скорой!
Умоляю, возвратись!

ВСТРЕЧА ДРУЗЕЙ

Сергею Масютенко

Давай, Сергей, с тобою помянём
Всех тех, кто больше не увидит дома.
Езжай встречать друзей с аэродрома
И там молчать и думать о своём.

Скажи ты мне, что ты расскажешь им,
Когда увидишь возле самолёта,
Когда они вернутся из полёта,
С далёкой базы солнечной «Хмеймим»?

Да что я?! Точно будет не до слов.
Да и тебя готова встретить база.
Глядишь на дверь и снова ждёшь
приказа,
И, как солдат, всегда на всё готов.

СОДЕРЖАНИЕ

За мгновенья.....	3
На Орловско-Курском направлении.....	4
Белый танец.....	5
Брестская крепость	6
Я родился на бывшей Садовой	7
Дедова память	8
В День Победы.....	9
Домой.....	10
Дума о Хатыни	11
54-й год.....	12
Жуков.....	14
Залив Девкина Заводь.....	16
Звезда отца.....	18
Медаль	19
Мемориал «Чёрная гора»	20
Лейтенант	21
Однофамилец	23
«Тихий вечер на дороге...»	25
Окраина	26
Память	28
«По этой тропинке враги не прошли...»	29
О России	31
Последний Герой	32
Размышления у монумента «Родина-мать» в Волгограде.....	34
Сирень Победы	35
Чугунный мост.....	36
Эшелон	37
Саласпилс	40
Голоса	41

Полк	44
Русский рубеж	47
«А стихи-то ни о чём...»	49
«Ещё луна совет гнездо под крышей...» ..	50
Жене друга.....	51
Жёны интернационалистов	52
Инвалидная коляска.....	53
Интервью	55
На Родину	58
Отдых.....	59
Парадный мундир	60
Разговор	61
Учищный альбом	62
Вдовам «афганцев»	63
Граммы металла	64
Встреча.....	66
«А в саду резвится птаха...»	67
Вывод.....	68
Афганский синдром	70
Возвращение.....	71
Запевала	72
Ветераны.....	73
Контрольно-следовая полоса	75
Крейсера	76
Кутаиси	77
Марш-бросок	78
Медаль «За отвагу».....	80
На КСП	81
«На палубе места мало...».....	83
Начало.....	84
Не надо!	85
«Не обижены только лишь Богом...»	86

«Не умерло понятие честь...»	87
О границе.....	88
Опорный пункт	89
Пехота.....	94
Победа.....	96
Победные салюты	97
Поверка.....	98
Приём взвода.....	99
Призывники.....	100
Прощание с военными городками	101
Путь.....	102
Сержант	103
Курилы.....	104
Тишина в отсеках.....	105
Ученья.....	106
В гостштетте.....	107
День пограничника	109
Разговор с Робинзоном Крузо о сегодняшнем дне.....	110
Шестая рота.....	112
9 мая 2010 года.....	113
Герой России	114
Военный художник.....	115
Голос	116
Игра в войну.....	117
В скором поезде «Россия».....	118
Взводные	120
Граница.....	121
«Добрый день, авиация флота...».....	122
Адаптация.....	123
Военно-Морской Флот	124
Возвращение с войны	125

«Вот и в космосе не разойтись...».....	126
Командировка.....	127
Контрактники.....	129
Ожидание.....	130
Контузия.....	131
Минное поле.....	133
Мины.....	135
Моздокская молитва.....	136
Севан, июль 1990 года.....	137
На Кавказ.....	138
Ночные птицы.....	139
Одиночество.....	140
Опознание.....	141
Посадка.....	142
Потери.....	143
Проводы в армию в русской деревне.....	144
Телефонный разговор.....	145
Фото.....	146
Шальная пуля.....	148
Я ещё не вернулся с войны.....	150
Дик-ду.....	151
Другу.....	152
Госпиталь.....	155
Грозный.....	156
Блокпост.....	157
В Кронштадте.....	158
«Встал, а осень под окном...».....	159
«Война войной...».....	161
Война.....	162
Бронежилет.....	163
Из Сирийской тетради:	
Отложенная командировка.....	165

Модуль.....	167
Спортплощадка авиабазы.....	168
В столовой.....	169
Апельсины.....	170
Встречи.....	171
Сирия.....	172
Солдатский рэп.....	173
Священник.....	174
На блокпосту.....	175
Пункт психологической разгрузки.....	176
Концерт на авиабазе.....	177
В Москву.....	178
Антиливийские горы.....	179
Баня морпехов.....	180
Змейка.....	182
Монета.....	183
Сторожевая застава.....	184
Выставка.....	185
Аэропорт.....	186
«Аллигатор».....	187
Фотовыставка на авиабазе.....	188
«Ночной охотник».....	189
Сапёры.....	190
Тартус.....	192
Твоя война.....	194
Сирийская жара.....	195
Городки.....	196
Сашка (триптих):.....	197
День рождения.....	197
ПАН.....	198
Проха.....	199
Брод.....	201

Гумконвой	203
«Господи! Туи! Ну, как под Москвою...»...	205
Палатка	206
Перед вылетом	207
Русский хлеб.....	208
Полевая кухня	209
«Убереги от пуль и мин...»	210
«Сирия. Северо-запад...»	211
«Свой взгляд на войну у каждого...»	212
Прилёт на авиабазу	213
Военный полицейский.....	214
Плакучие ивы	215
Родина дамасской стали	216
Собака	217
Капитан.....	218
Бродячая кошка.....	219
Из командировки.....	220
Переговорный пункт.....	221
Авиабаза «Хмеймим»	222
Копия знамени Победы	224
На войну	225
Сигареты.....	226
Медсестра	227
Дозаправка.....	228
Женщинам-медикам	230
Командир взвода	231
Ротация	232
Возвратись!.....	233
Встреча друзей	234

Литературно-художественное издание

Владимир Александрович СИЛКИН

СИРЕНЬ ПОБЕДЫ

Книга стихотворений

Литературный редактор – Н.М. Силкина

Компьютерный набор – М.В. Силкин

Корректор – М.В. Силкин

Вёрстка – И.Е. Витюк

Дизайн обложки – А.В. Кабин

Сдано в набор 07.04.2022. Подписано в печать 20.05.2022.

Формат 60x90¹/₃₂. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Условных печ. л. 7,53.

Электронное издание

Федеральное государственное бюджетное учреждение
культуры и искусства

«Центральный Дом Российской Армии имени М.В.Фрунзе»

Министерства обороны Российской Федерации

129110, Москва, Суворовская площадь, д. 2, стр. 1